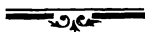

ЭПИСТОЛЯРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

В раздел «Эпистолярные материалы» включен не опубликованный ранее отрывок из письма Ф. М. Достоевского к В. Ф. Пуцковичу и продолжается публикация писем к Достоевскому.

Тексты писем подготовили и комментарии к ним составили: А. В. Архипова (А. М., Д. В. Карташов, Аноним, Неизвестный), И. А. Битюгова (А. Н. Курносова), В. С. Вайнерман (Е. И. Капустина), Т. И. Орнатская (Ф. М. Достоевский), Б. Н. Тихомиров (А. М. Иванцов-Платонов, Е. М. Гаршин, Т. И. Филиппов, П. П. Шахова), И. Д. Якубович (Вл. С. Соловьев)

Неопубликованный отрывок
из письма Достоевского к В. Ф. Пуцковичу
от 18 июля 1880 г.

Насчет возвращения к Вам того письма из Москвы Вы, помню твердо, мне ничего не писали. Письма же у меня в Петербурге (я взял сюда только последние) и положительно скажу, что, может быть, и не в состоянии отыскать его вовсе Да и было это так давно

В т. 30, «Полного собрания сочинений и писем» Достоевского (с 199—200) письмо к В. Ф. Пуцковичу от 18 июля 1880 г. (№ 884) напечатано по тексту первой публикации (в «Московском сборнике» за 1887 г.) Летом 1990 г. в Рукописный отдел Пушкинского Дома устроителями одного из международных аукционов была прислана для консультации ксерокопия с подлинника этого письма¹ При сверке текста первой публикации письма с ксерокопией обнаружился не только пропущенный абзац, но и ряд других неточностей

1 Письмо начинается с авторской даты (в левом верхнем углу страницы)

Старая Русса
18 июня/80

2 В 9-й строчке снизу на с. 199 неверное прочтение вместо «праздник все откладывали и откладывали» в ксерокопии с подлинника письма — «праздник все откладывался и откладывался»

3 По всему тексту письма название пушкинской речи писателя дается с заглавной буквы Речь

4 На с. 200 в 3-й строчке сверху слово «заплывавать» в публикации не закурсивлено

5 В конце письма справа (с. 200) вместо адреса ошибочно дана дата Нужно

---

¹ Сведениями о нынешнем местонахождении письма Редакция не располагает Оно было продано летом 1990 г. на аукционе в Марбурге за 7500 DM (см. Коммерсантъ 1990 9—18 июля № 27 С. 15, Frankfurter Allgemeine 10 07)

Старая Русса
Новгородской губернии
Ф М Достоевскому

Можно отметить еще несколько незначительных неточностей публикации так, слова «три» (с 199) и «шесть» (с 200) написаны цифрами, не соблюдены некоторые абзацы и т п На л 1 была помета Пуцьковича «Отв(ечено) 5 Авг н ст»

В пропущенном абзаце Достоевский отвечает на просьбу Пуцьковича, содержащуюся в его письме от 25 июня (7 июля) 1880 г Пуцькович писал «Я не помню, просил ли я Вас возвратить мне то письмо, которое я послал Вам и в котором сотрудник Каткова излагал речь сего последнего обо мне, но теперь это письмо мне до крайности нужно, и я прошу Вас мне его возвратить, если только разыскивание его не причинит Вам хлопот» (ИРЛИ, № 29 828)

Е. И. Капустина — Достоевскому
4 января 1862 г. Томск

4 января 1862 г.,
Томск

Милостивый государь Федор Михайлович!

Давно бы следовало мне написать к вам и очень благодарить вас за приятный, милый мне подарок вами двух первых частей изданных ваших сочинений.¹ Но поверите ли? они только несколько дней назад как наконец в руках моих. Жаль мне, что в вашей подписи не означено было число. Тогда я еще вернее знала бы, как долго эти книги не давались мне в руки. Когда Валиханов был в Омске,² он передал книги родным моим, а те насилу собрались послать мне их с ехавшим сюда на службу прокурором Шмаковым,³ которому почему-то отдали книги не запечатанными, и вот этот господин, и познакомясь со мной, держал долго и читал эти книги и наконец прислал мне

Добрый Федор Михайлович! Не долго и не много были мы знакомы, мало случилось мне побеседовать с вами, но я знала вас по многому гораздо более, чем видела, но и эти несколько часов я никогда не забуду. Мне приятно было, что вы навестили нас,⁴ а теперь иное милое было мне утешение — ваш подарок книг, ваша надпись⁵ — это показало мне вашу память, а я дорожу этим и поэтому не могу не написать к вам, не поблагодарить от души, искренно. Не знаю, как дойдет до вас письмецо мое, собственно вашего адресу я не знаю, но хочу адресовать в редакцию журнала вашего брата, прося передать вам. А как бы много хотелось мне поговорить с вами, хотя бы теперь, вместо вашего портрета, который у меня от Валиханова, где вы вместе с ним, и этот портрет в числе других портретов друзей моих.⁶

Если б я видела теперь вас в простой уютной приемной моей комнате — сколько бы хотелось говорить и говорить с вами. Вы много пережили превратностей судьбы, вы испытали много — и горе и лишения знакомы вам, и все это такие спутники и учителя наши, которые более всего учат нас истине и делают не хуже, а лучше лю-

дей.⁷ Мне пришлось бы и самой рассказать вам много изменившегося в моей жизни вместе со смертью моего мужа, много горя и забот выпало и на мою долю, и на мою жизнь. Схороня мужа, я уже и осталась здесь в Томске, и вот живу третий уже год. Живу отчужденная от всей здешней светской жизни, живу в семье и для детей моих. Две старшие мои дочери замужем, а при мне семь человек детей, начиная с 14-лет (него) сын (а) в гимназии и оканчивая 5-лет (ним) сыном.⁸ Образ моей жизни совершенно изменен, я ограничила себя во всем, живу просто, лишения не пугают меня, лишь помог бы Бог воспитать добрыми людьми детей моих, в том и жизнь и желания мои. Недавно я была утешена и обрадована прибавкою к пенсии. Сначала мне и детям дали только обычных около 600 р (ублей) сер (эбром) в год. Теперь эту пенсию удвоили по ходатайству СПб Комитета, и я буду получать теперь для меня очень достаточное содержание, при моей простой жизни. Но я боюсь утруждать вас долго письмом моим. Пожалуй, дав себе волю, я бы и долго не кончила; то ли бы дело, если бы нам привелось увидеться здесь в Томске-городе, во многом очень интересном своими несообразностями и очень, очень мало просвещенном; будь здесь лицо самостоятельное, ни с одной стороны не боящееся гонений, и вместе лицо наблюдательное, умное и правдивое — сколько пищи для нравоописательных очерков.⁹ Мне жаль, что я не имею здесь случая читать ваш журнал «Время», сама средства иметь много газет и журналов не имею возможности, и так случилось, что у многих моих знакомых нет его, так я с ним и не знакома. Впрочем, я не могу не жить, совсем не следя и не читая за ходом всего современного, что было бы уже очень грустно, — нет, при всем недосуге к занятиям как-нибудь да отнимаю время, чтобы читать «Русские вед (омости)» и «Летопись», «Отеч (ественные) зап (иски)» и «Современник», с которым, извините меня, во многом не могу согласиться, хотя и отдаю должную справедливость уму и знаниям, не хваля направление. Но это тоже тема нескончаемая, а я и так боюсь, что отвлекла вас и задержала.

Простите же, добрый и уважаемый Федор Михайлович! Будьте здоровы и Богом хранимы. Поручаю себя вашей доброй памяти и могу уверить вас в искреннем уважении к вам.

Катерина Капустина

Печатается по подлиннику ИРЛИ, № 29 735

Екатерина Ивановна Капустина, урожденная Менделеева (1816—1901), старшая сестра великого химика Отрывок ее письма к Ф М Достоевскому опубликован в собрании сочинений Ч Ч Валиханова (см Собр соч В 5 т Алма-Ата, 1968 Т 4 С 112—113, Собр соч В 5 т Алма-Ата, 1985 Т 5 С 215—216)

¹ Двухтомник, изданный Н Основским в 1860 г

² 22 мая 1861 г директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел Н П Игнатьев писал генерал-губернатору Западной Сибири Н Ф Дюгамелю « причисленный по высочайшему повелению к Азиатскому департаменту, состоящий по кавалерии штаб-ротмистр султан Валиханов командирован по делам службы в область сибирских киргизов Справка сия дана департаментом г Валиханову собственно для того, чтобы предоставить ему возможность лечения кумысом, поправить на родине его расстроенное здоровье» (Валиханов Ч Ч Собр соч В 5 т Алма-Ата, 1985 Т 5 С 152)

³ Николай Михайлович Шмаков, коллежский советник, чиновник особых поручений при Совете Главного управления Западной Сибири Приказом № 29 по Министерству юстиции от 5 сентября 1861 г назначен томским губернским прокурором В должности с 9 августа 1861 г (Гос архив Томской области, ф 22, оп 1, д 314, л 65, д 323, л 214)

⁴ С Капустиными Достоевский познакомился в июле 1859 г во время своего последнего приезда в Омск Яков Семенович Капустин в омские годы Достоевского был начальником отделения Главного управления Западной Сибири Службу он начал 22 мая 1808 г с низжайшей чиновничьей должности копииста в Тобольской казенной палате В 1823 г, после учреждения в Сибири двух генерал губернаторств — Западного и Восточного и создания в них соответствующих Главных управлений, был переведен в Главное управление Западной Сибири бухгалтером К началу 1850 х гг статский советник Я С Капустин стал заметной фигурой в Омске Он глава многолетнего семейства, хозяин двухэтажного дома в центре города Его гостями были не только представители омского образованного общества, но и проэжие путешественники, ученые, общественные деятели Здесь собирался своеобразный литературный салон, о котором до сих пор можно найти упоминания в литературе Не чурались в этом доме и ссыльных Поэт петрашевец С Ф Дуров, служивший в Омске после выхода из острога, был принят Капустиными как желанный гость О нем и его товарище по каторге Достоевском Капустины знали и раньше, обсуждали возможность оказания им помощи Способствовать облегчению участи петрашевцев просили Капустиных и декабристы, например Фонвизины, близкие знакомые матери Екатерины Ивановны — Марии Дмитриевны Менделеевой За декабристом Н В Басаргиным была замужем Ольга Менделеева Об условиях жизни Достоевского на каторге Капустины знали не понаслышке 12 сентября 1850 г Я С Капустин в составе Совета Главного управления Западной Сибири подписал решение «об исправлении здания омского городского острога» В докладной записке исправляющего должность омского окружного начальника говорилось « в этом здании верхние венцы, на которых лежат переклады и потолок, совершенно изгнили, заложены досками и поддерживаются стойками, под окошками и в углах стена совершенно изгнила, чрез что может выпасть, да и, сверх того, в зимнее время стены совершенно промерзают насквозь, при топке печей и по большому числу людей бывает сильная сырость от оттаивания стен и угар, крыша при дождях имеет во многих местах течь < > от тягости и ветхости прогнулась» (Гос архив Омской области, ф 3, оп 2, д 1810, св 256, л 59) Для сравнения приведем описание острога Достоевским в письме к брату «Вообрази себе старое, ветхое, деревянное здание, которое давно уже положено сломать и которое уже не может служить Летом духота нестерпимая, зимою холод невыносимый Все полы прогнили, пол грязен на вершок, можно скользить и падать < > Затопят шестью поленами печку, тепла нет (в комнате лед едва оттаивал), а угар нестерпимый — и вот вся зима» (281, 170) Зная обстоятельства жизни писателя, Капустины могли по достоинству оценить мужество Достоевского, сумевшего не сломаться в каторге

Я С Капустин умер в Томске в 1859 г

⁵ Этот автограф Достоевского до сих пор неизвестен

⁶ Фотография 1858 г (см Достоевский в портретах, иллюстрациях, документах / Под ред В С Нечаевой М, 1972 С 169)

⁷ Слова Е И Капустиной перекликаются со словами Достоевского в письме к Н Д Фонвизинной в феврале 1854 г « в несчастье яснеет истина» (281, 176)

⁸ Екатерина, дочь Я С Капустина от первого брака, замужем за полковником Генерального штаба К К Гутковским, Ольга — за генералом А К Смирновым 14 летний сын — Михаил, родился в Омске 23 декабря 1847 г Впоследствии крупный врач, профессор, разрабатывавший проблемы народной гигиены, общественный деятель Умер в 1920 г 5 летний сын — Федор, родился в Омске 27 февраля 1856 г Впоследствии один из первых профессоров физики Томского университета Участник Красноярской экспедиции Русского физико химического общества по наблюдению солнечного затмения (1887 г) С именем Ф Я Капустина связаны начала сибирской рентгенологии, метеорологии и сейсмологии Умер в 1936 г (Даты рождения см Гос архив Омской области, ф 16, оп 2, кн 134, л 230 об, кн 183, л 22 об) Из пяти дочерей Капустиных назovem двух Анна родилась в Омске I IV 1850 (там же, кн 151), умерла в 1918 г Мать академика Я И Смирнова, известного археолога, Надежда родилась в Омске 21 II 1855 (там же, кн 180, л 23 об), умерла в 1921 г

Благодаря Достоевскому, ее роман «К росту» (под псевдонимом В. Семенова) был опубликован в журнале «Русская речь» в 1879 г. Автор книги «Семейная хроника в письмах матери, отца, брата, сестер, дяди Д. И. Менделеева» (СПб., 1908). Участвовала в подготовке спектаклей, поставленных в Боблове «менделеевской молодежью». Во многих из них главные роли исполнял Александр Блок.

⁹ Намек на возможность приезда в Томск самого Достоевского. Представление о нем как об авторе «нравоописательных очерков» сложилось у Капустиной, по всей видимости, после знакомства с романом «Село Степанчиково и его обитатели», опубликованным в № 11 журнала «Отечественные записки» за 1859 г. Журнал, как видно из письма, Екатерина Ивановна имела возможность читать в Томске.

Т. И. Филиппов — Достоевскому
13 февраля 1873 г. Петербург

Великой же славен Афимьян* князь
Во слезах писания** не видит,
В возрыданьи слова не промолвит:
«О, сын ты мой возлюбленный!
О, сын ты мой умоленный!
Чего ж ты давно мне не сказался?
Я <б> построил тебе келью не такую,
Не на таком бы тебе месте».
Заслышала матушка родная,
Идет ко святому, сама плачет,
Руками гробницу обнимает,
Слезами гробницу обливает:
«О, сын ты мой возлюбленный!
О, сын ты мой порожденный!
Чего ж ты давно мне не сказался?
Построила б тебе келью не такую,
Кормила б, поила своим кусом».
Заслышала млáдая княгиня,
Идет ко святому, сама плачет,
Руками гробницу обнимает,
Слезами гробницу обливает:
«Жених ты мой возлюбленный!
Жених ты мой обрученный!
Чего ж ты давно мне не сказался?
Вместе бы мы Господу молились,
За одной свечою мы бы спасались».

После этого сослал ей Господь скору кончину, и ее за одну пеленую (с Алексеем) отпевали. Она девственная жена Алексея.

Как стал Алексей свет на возрбсты,¹
Во подъеме Алексею лет семнадцать,

---

* Евфимиан. (Примеч. Т. И. Филиппова).

** Описания собственноручного жизни и трудов Св. Алексея. (Примеч. Т. И. Филиппова).

Задумал отец его женить, против [его воли] чего Алексей не возражал, хотя

Жениться Алексею не хотелось,
А хотелось Богу помолиться,
За младая* лета потрудиться,

а потому он после венца был отведен с княгиней в опочивальню («во втором часу это было ночи») и обратился к спящей княгине с просьбою отпустить его именно:

...Богу помолиться,
За младая лета потрудиться.
Княгиня ото сна не пробудилась,
Только берет шелковый пояс,
Со правой руки золот перстень, —

и отдает все это (как эмблему брака и ее право на мужа) Алексею, который принял это за знамение своей свободы от брака ² и

Пошел он на синее море,
Садился во любой во кораблик,
Поехал [ко городу к Е<фрему>] он в Турскую землю,
Ко славному городу к Ефрему,
Трудился [он Господу] молился лет семнадцать
[Он тридцать]

После чего явилась ему Пресв<ятая> Богородица и сказала:

О, рабе, ты рабе, Божий трудник,
Ступай ты на синее море,
Садись во любой во кораблик,
Ступай ты во Римскую землю,
Ко славному городу ко Риму:
Отец тебя, мать не спознает,
Обручна княгиня позабыла.

Таким образом он возвратился и, никем не uznанный, выпросил у отца своего, именем его утраченного сына, келью на собственном дворе, где и трудился до смерти

Он тридцать лет четыре года.

А затем

Заслышал Лексей скору кончину,
Он берет белой лист бумаги,
Написал свое все похождение:

---

* Славянизм (Примеч. Т. И. Филиппова).

Во котором городе родился,
Во котором Господу трудился,
Написал Лексей-свет, преставился,
То ладаном везде запахло,
По всему по городу по Риму;
Патриарх по городу ходит,
Он миру-народу возвещает:
Святой у нас в граде проявился.

Вот Вам, многоуважаемый Федор Михайлович, нужные Вам стихи с привесочком, который ничему не помешает, а может быть, и пригодится для освещения всей эпопеи.³ На доброе здоровье!

Глубоко уважающий Вас

Т. Филиппов.

13 февр. 1873

Р. S. Будете ли завтра в собрании Славянского Комитета? ⁴

Р S Нельзя ли сделать общего распоряжения по типографии, чтобы мои статьи доставлялись мне в корректуре: ⁵ очень много досадных ошибок в статье о кн(ягине) Оболенской.⁶

Вместо: сторичное — вторичное,
двойственности — действнности,
даже — далее,
важный — великий,

просто смыслу нет. Мне тут дорога не статья (хотя вообще в публику следует являться опрятным), а гимназия, в защиту которой она написана

Печатается по подлиннику ИРЛИ, № 29 883

Тертий Иванович Филиппов (1825—1899) — государственный и общественный деятель, публицист славянофильского направления, убежденный сторонник «охранительных начал», крупный знаток истории церкви, собиратель и исследователь народного творчества. Один из основателей Петербургского отделения Славянского благотворительного комитета (1868, позднее — Славянское общество), учредитель и первый председатель Песенной комиссии при императорском Русском географическом обществе. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. С 1850 г учитель русской словесности в Первой московской гимназии. Со второй половины 1850-х гг на государственной службе чиновник особых поручений при обер-прокуроре Синода, чиновник в системе Государственного контроля, товарищ государственного контролера (с 1878), государственный контролер (с 1889), член Государственного совета.

В начале 1850-х гг Филиппов — член «молодой редакции» журнала «Москвитянин», оказал влияние на Ап А Григорьева, А Н Островского, А Ф Писемского. В 1856—1857 гг редактировал (совместно с А И Кошелевым) славянофильский журнал «Русская беседа». Печатал статьи по вопросам литературы, театра, истории церкви, раскола, положения единоверных церквей Востока в журналах «Библиотека для чтения», «Русский вестник», «Беседа», «Журнал Министерства народного просвещения» и др. Многие из них собраны в кн *Филиппов Т И*. Современные церковные вопросы СПб, 1882, Сборник Т И Филиппова СПб, 1896.

С первых дней издания журнала-газеты «Гражданин» (1872) Филиппов — один из влиятельных членов его редакции, постоянный автор, участник кружка кн В П Мещерского. Знакомство Филиппова с Достоевским состоялось в начале 1870-х гг, после возвращения писателя из-за границы. Постоянное общение Досто-

евского с Филипповым приходится на 1873—первую половину 1874 г — время редактирования Достоевским журнала «Гражданин» 11 писем Т И Филиппова Достоевскому за период 1873—1874 гг (а также письмо 1880 г) опубликованы Лит наследство М, 1934 Т 15 С 150—156 Фрагмент настоящего письма см *Ветловская В Е* Поэтика романа «Братья Карамазовы» Л, 1977 С 171

Из сопроводительной приписки в конце следует, что публикуемое письмо Филиппова — ответ на обращение Достоевского к нему как большому знатоку народной поэзии с просьбой о консультации в этой области «Нужные» писателю «стихи» — вариант духовного стиха об Алексее человеке Божием, приведенные Филипповым частично дословно, частично в пересказе Характерные особенности письма (описки и их исправления) свидетельствуют, что Филиппов, скорее всего, воспроизводит стих по памяти Интересно, что вариант Филиппова имеет ряд сюжетных деталей, не зарегистрированных в фундаментальном исследовании *Адрианова В П* Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности Пг, 1917 Достоевский не однажды обращался к Филиппову за подобными консультациями, см, например, письмо Филиппова А Н Майкову от 20 ноября 1871 г Лит наследство М, 1934 Т 15 С 149—150

¹ Как можно понять, Достоевского прежде всего интересовал финальный эпизод стиха — оплакивание почившего Алексея родителями и невестой, ибо, нарушая композицию духовного стиха, именно с этого эпизода и начинается письмо Филиппов Со слов «Как стал Алексей свет на возрасты» — начинается «привесочек», данный уже по инициативе самого Филиппова, — краткий пересказ содержания в целом с рядом цитатных вкраплений

² Одно из наиболее существенных отличий варианта Филиппова во всех вариантах, исследованных в монографии В П Адриановой, наоборот, Алексей отдает пояс и перстень невесте, иначе и истолковывается этот символический жест

³ О какой «эпопее» пишет Филиппов, неизвестно Возможно, это свидетельство что, завершив работу над «Бесами», Достоевский в начале 1873 г возвращается к размышлениям над замыслом «Жития великого грешника» В эти же дни, в феврале 1873 г, Достоевский писал М П Погодину « роятся в голове и слагаются в сердце образы повестей и романов Задумываю их, записываю, каждый день прибавляю новые черты к записанному плану и тут же вижу, что все время мое занято журналом, что писать я уже не могу больше и прихожу в раскание и в отчаяние» (291, 262) Однако эти наброски художественных произведений 1873 г не сохранились Стоит отметить, что в подготовительных материалах к роману «Под росток», генетически связанному с замыслом «Жития великого грешника», находим такую запись «Подросток поражается легендой Алексея человека Божия, которой он никогда не слышал еще» (16, 232, запись датируется ноябрем 1874 г) Об отражении мотивов «Жития Алексея человека Божия» и особенно духовного стиха об этом герое в «Братях Карамазовых» см *Ветловская В Е* Поэтика романа «Братья Карамазовы» Л, 1977 С 168 и след

С другой стороны, Алексей человек Божий упоминается среди подготовительных материалов к первым главам «Дневника писателя» 1873 г «Генерал, поющий Алексея Божия человека» (21, 295, «Алексей человек Божий, генерал, женщина выше тургеневской» (21, 296, обе записи датируются декабрем 1872 г) Поскольку в «Дневнике писателя» 1873 г этот замысел не был реализован, судить о его содержании затруднительно

⁴ 21 января 1873 г Достоевский был избран в члены Славянского благотворительного комитета (Петербургское отделение)

⁵ Такое распоряжение было сделано, см, например, письмо Достоевского ме транпажу Александрову от 28—30 сентября 1873 г (291, 305)

⁶ Статья О гимназии княгини Оболенской // Гражданин 1873 11 февр № 7

Т И Филиппов — Достоевскому
15 сентября (1873 г ?) Петербург

Многоуважаемый Федор Михайлович!

Я ночевал в Петергофе и оттуда проехал в Контроль, ¹ письмо же Ваше нашел уже по возвращении домой, следов(ательно) в 6-м

часу А теперь всего седьмой, и тем не менее вот Вам мой вклад, буде только он годится.

Душою преданный Вам Т. Филиппов

15 сент<ября>.

Печатается по подлиннику ИРЛИ, № 29 883

Ответ на неизвестное письмо Ф М Достоевского от 14—15 сентября 1873 г Датировем предположительно 1873 г по следующим соображениям Основной корпус писем Филиппова Достоевскому (12 из 13 датированных) относится к 1873—первой половине 1874 г и преимущественно имеет аналогичный характер Из содержания письма можно заключить, что Филиппов посылает Достоевскому какой-то *срочно написанный* по его просьбе материал, что могло иметь место только в период редактирования Достоевским журнала «Гражданин» (январь 1873—апрель 1874), ср подобные письма Филиппова Достоевскому от 6 июня и 27 сентября 1873 г и от 24 января 1874 г Лит наследство М, 1934 Т 15 С 150—156

О каком материале идет речь, сказать затруднительно, так как, задержавшись с ответом, к очередному (38 му) номеру «Гражданина» Филиппов, видимо, уже не успевает журнал выходил по понедельникам, и вечером 15 сентября, в субботу, он должен был уже находиться в типографии в наборе Атрибуция авторства статей в «Гражданине» (в силу их преобладающей анонимности) представляет очень серьезную и сложную проблему, см об этом *Виноградов В В* 1) Проблема авторства и теория стилей М, 1961 С 487—611, 2) Из анонимного фельетонного наследия Достоевского // Исследования по поэтике и стилистике Л, 1972 С 185—211, Комментари к публикации Записной тетради Достоевского 1872—1875 гг // Лит наследство М, 1971 Т 83 С 325—348, а также Примечания в т 21 «Полного собрания сочинений» («Дневник писателя» 1873 г, статьи и заметки 1873—1878 гг) Укажем, что в № 40 «Гражданина» (от 1 октября 1873 г) напечатана статья Т И Филиппова «Насилие, оказанное афинскому синоду министерством церковных дел», но так как работа над ней продолжалась вплоть до последних чисел сентября (см письмо Филиппова Достоевскому от 27 сентября 1873 г Лит наследство Т 15 С 154, а также письмо Достоевского М А Александрову от 28—30 сентября 1873 г и примечания к нему — 291, 305, 516), 15 сентября эта статья еще не могла быть послана Филипповым Достоевскому

¹ Т е на службу, см биографическую справку в примеч к предыдущему письму

Вл С. Соловьев — Достоевскому
23 декабря 1873 г Петербург

Милостивый государь многоуважаемый
Федор Михайлович,

собирался сегодня заехать повидаться с Вами, но, к величайшему моему сожалению, одно неприятное и непредвиденное обстоятельство заняло все утро, так что никак не мог заехать.

Вчера, когда Н. Н. Страхов нашел Вашу записку на столе,¹ я догадался, что это Вас я встретил на лестнице, но по близорукости и в полумраке не узнал. Надеюсь еще увидеться, вероятно осенью буду в Петербурге.²

С глубочайшим уважением и преданностью остаюсь
Ваш покорный слуга
Вл. Соловьев.

Передайте мое почтение Анне Григорьевне.
23 дек<ября> 73.

Печатается по подлиннику ГБЛ, ф 93 П 8 120⁶ (в 30₁, 440 шифр указан ошибочно)

Владимир Сергеевич Соловьев (1853—1900) — философ, поэт, публицист и критик Из сохранившихся пяти писем Соловьева к Достоевскому опубликовано лишь одно от 24 января 1873 г., позволяющее уточнить дату знакомства писателей — начало 1873 г. (Лит наследство М, 1971 Т 83 С 331) В этом письме, к сожалению не прокомментированном публикатором, Вл С Соловьев, познакомившийся с программой «Гражданина» и с первоначальными главами «Дневника писателя» (он особо отмечает № 1 и 4 «Гражданина», где были опубликованы главы «Вступление», «Старые люди» и «Влас») и заключивший, «что направление этого журнала должно быть совершенно другим, чем в остальной журналистике», предлагал Достоевскому свой «краткий анализ отрицательных начал западного развития», приписывая «этому маленькому опыту только одно несомненное достоинство, именно то, что в нем господствующая ложь прямо названа ложью и пуста — пустотою» В «Гражданине» статья Вл Соловьева, являющаяся, по всей вероятности, частью его магистерской диссертации «Кризис западной философии Против позитивизма» (М 1874), не появилась, но молодой философ заинтересовал Достоевского А Г Достоевская вспоминала, что в зиму 1873 г «нас стал посещать Владимир Сергеевич Соловьев, тогда еще очень юный, только что окончивший свое образование Сначала он написал письмо Федору Михайловичу, а затем, по приглашению его, пришел к нам Впечатление он производил тогда очаровывающее, и чем чаще виделся и беседовал с ним Федор Михайлович, тем более любил и ценил его ум и солидную образованность» (*Достоевская А Г Воспоминания М, 1971 С 254*) С В Белов, не доверяя Анне Григорьевне, считает, что в воспоминаниях речь идет о Всеволоде Соловьеве, а с Вл Соловьевым Достоевский более тесно сошелся после 1877 г. (Там же С 460) Однако публикуемое нами письмо Вл Соловьева к Достоевскому от 23 декабря 1873 г свидетельствует об уже установившихся между корреспондентами близких дружественных отношениях В июне 1873 г., советуя Седевиной прочитать всего Достоевского, Соловьев заявляет «Это один из немногих писателей, сохранивших еще в наше время образ и подобие Божие» (Ф М Достоевский Статьи и материалы Сб 1/Под ред А С Долинина Пб, 1922 С 159) В 1874 г имя Вл Соловьева как автора статьи «Несколько слов о настоящей задаче философии» появляется на страницах «Гражданина» (№ 48) Достоевский следит за полемикой, которая возникла в 1875 г в связи с выходом книги Соловьева «Кризис западной философии» (см 15, 443—444)

Весной 1877 г., когда Соловьев на некоторое время поселяется в Петербурге, между писателями устанавливаются особо близкие отношения Как убедительно показал И Л Волгин (Лит наследство М, 1973 Т 86 С 61—62), Достоевский пишет о Соловьеве («Один из наших молодых ученых») в майско-июньском номере «Дневника писателя» за 1877 г (25, 122), о близости философско-религиозных воззрений обоих писателей свидетельствует письмо Достоевского Н П Петерсону от 24 марта 1878 г (30₁, 14) В марте—апреле 1878 г Достоевский посещает лекции Соловьева «О Богочеловечестве», а в июне состоялась их совместная поездка в Оптину пустынь, во время которой Достоевский изложил Соловьеву «главную мысль» и план целой серии задуманных им романов (*Соловьев Вл С Собр соч СПб, 1912 Т 3 С 197*), из которых был написан лишь один — «Братья Карамазовы» По свидетельству А Г Достоевской, юношеский образ Вл Соловьева некоторыми своими чертами повлиял на создание облика Алеши (см *Достоевская А Г Воспоминания С 323*)

После смерти Достоевского его вдова поддерживала переписку с Соловьевым Она писала в комментариях к письмам философа, обращенным к ней «Вл С Соловьев принадлежал к числу пламенных поклонников ума, сердца и таланта моего незабвенного мужа и искренно сожалел о его кончине Узнав, что в память Ф М предполагается устройство народной школы, Владимир Сергеевич выразил желание содействовать успеху устраиваемых для этой цели литературных вечеров Так он участвовал в литературном чтении 1 го февраля 1882 года, затем в следующем году, 19 го февраля произнес на нашем вечере в пользу школы (в зале Городского Кредитного общества) речь, запрещенную министром и, несмотря на запрещение, им прочитанную, и имел у слушателей колоссальный успех Предполагал Вл Серг участвовать в нашем чтении и в 1884 году, но семейные обстоятельства помешали ему исполнить свое намерение По поводу устройства этих чтений мне пришлось

много раз видется и переписываться с Вл Соловьевым, и я с глубокою благодарностью вспоминаю его постоянную готовность послужить памяти моего мужа, всегда так любившего Соловьева и столь много ожидавшего от его деятельности, в чем и мой муж и не ошибся А Д» (ГБЛ, ф 93, II 8 121)

Письма Вл С Соловьева к А Г Достоевской дополняют сведения о его размышлениях при подготовке к выступлениям о писателе, составившим впоследствии его книгу «Три речи в память Достоевского» (М, 1884) Так в 1883 г, обсуждая возможный день проведения заседания, посвященного Достоевскому, Соловьев советует провести его 19 февраля, чтобы «связать память Федора Михайловича с днем освобождения, то есть годовщину духовного представителя России в царствование Александра II с годовщиной важнейшего события в этом царствовании» (письмо от 7 февраля 1883 г) В следующем письме он подробно излагает программу своего выступления «Содержание предполагаемого чтения в кратких словах следующее связь между деятельностью Достоевского и освободительным актом прошлого царствования С высвобождением из внешних рамок крепостного строя русское общество нуждается во внутренних духовных основах жизни Эти основы угадываются и ещются Достоевским Настоятельность так называемого общественного идеала (внешнего) Возникший в русском обществе вопрос что делать? Ложный и истинный смысл этого вопроса, общественная жизнь зависит от нравственных начал, а они невозможны без религии, а религия истинная невозможна без вселенской Церкви Положительная задача России, вытекающая из этих оснований Заключительное суждение о Достоевском По этой программе можно сказать ужасно много, между прочим и о самоубийствах — не знаю как все это выйдет» (письмо от 11 февраля 1883 г) Извещая Анну Григорьевну о выходе своей книги о Достоевском, Соловьев писал «Я думаю Федор Михайлович был бы доволен моей книжкою первая речь (вновь написанная) кажется удалась, а с ней и остальное выигрывает и вместе выходит нечто цельное» (письмо от 6 марта 1884 г)

¹ Записка Достоевского к Н Н Страхову от 22 декабря 1873 г не сохранилась В «Списке несохранившихся и найденных писем за 1873 г» отсутствует

² Сведений о встречах Достоевского с Вл С Соловьевым осенью 1874 г нет

А. М. — Достоевскому.
9 февраля 1876 г. Петербург

9 февраля СПб

Милостивый государь,
Федор Михайлович.

Мое письмо к Вам совершенное безумие: я не знаю Вас, я Вас никогда не видала, даже не искала случая увидеть, хотя, конечно, могла бы, я видела только Ваш портрет, превосходной кисти, правда, я ходила для него несколько дней сряду в Академию.¹ Это было уже давно, 4 года, кажется, как я не видала его, да и нет нужды: до сих пор впечатление так свежо, как будто я вижу его перед глазами Я не помню отзывов о сходстве или несходстве его, но я убеждена, что он похож; я вижу в нем Вашу душу, внутреннее сходство, таким именно Вы должны быть. Вы, конечно, заметите в этих словах воровство у Вас же:² но это иначе и не может быть, я целиком сошла со страниц Ваших произведений Я тоже Ваше произведение и подобие Во многих, во всех почти Ваших типах я узнаю то себя, то Вас Позвольте заимствовать у Вас еще одну фразу. «Мы с вами одного безумья люди».³ Конечно, это сильная дерзость — сравнивать себя с Вами. Вы — знаменитость, талант, великий ум, даже более, но не смею высказывать всего, чтоб не походило на лесть, я — ничто, я

даже не романистка, не студентка, не акушерка, даже не благотворительница; я просто очень несчастный человек из породы неудачников, только очень сильно чувствующий. Уже давно, с самой первой молодости я стою на распутье не двух, а целых десятков дорог; случай или собственная воля толкают то на ту, то на другую, но не сделаешь и десяти шагов, как начинаешь раздумывать: нет, это не настоящая, надо идти по другой, а там опять то же, и не подвигаешься таким образом ни на шаг. Сегодня готов отдать последнюю каплю крови за «меньшого брата», а завтра увлекаешься всеобщим стремлением к наживе и думаешь только о том, как бы урвать кусок. — Но Вам, конечно, нисколько не интересно, что я за человек, и не для того я начала писать Вам, чтобы многоглагольствовать о себе. Я хотела Вам выразить свое сочувствие, свое глубокое уважение, свое благоговение перед Вами, перед Вашим талантом, умом, сердцем. Зачем понадобилось это выражение? Не знаю, но мне кажется, что у Вас бывают часто ужасно тяжелые минуты в жизни, не легко она должна проходить у Вас, хотя, конечно, внешних обстоятельств Вашей жизни я почти не знаю, кроме некоторых весьма известных фактов. Сужу я только по Вашим произведениям, я сжилась с ними, полюбила и привыкла узнавать в них Вас. — Самые произведения Ваши, доставляя Вам множество почитателей, возбуждают в то же время и бессмысленные глумления. Вчуже противно читать и слушать, как люди, не стоящие Вашего мизинца, вдобавок не понимающие и не способные понять Вас, осуждают Вас и подсмеиваются над Вами с высоты своего пошлого, тупого, дальше своего носа ничего не видящего самодовольства. Или какой-нибудь «Заурядный читатель», третирующий Вас снисходительно-покровительственно.⁴ Для Вас, конечно, такие критики должны казаться чрезвычайно комичными. Но не всегда человек настроен смеяться, бывает совсем противоположное, мрачное настроение, и тогда уже не смех, а злобу, негодование, горечь должно возбуждать такое бестолковое лаянье. И вот тогда-то трогает сочувствие всякого живого существа, даже ласка бессловесного животного смягчает несколько сердце. Если мое письмо застанет Вас в такую минуту и пробудит в Вас доброе чувство, если Вы даже просто рассмеетесь его глупости и на минуту забудете горе, я буду довольна. Я не ожидаю от Вас ответа, конечно. Вам не следует останавливаться ни для того, чтобы бросить камнем в каждую лающую на Вас собаку, ни для того, чтобы погладить собаку, приласкавшуюся и лизнувшую Вам руку. Я даже не подписываю своей фамилии, чтобы Вы не увидели в моем письме какой-нибудь задней мысли. Это просто уста глаголют и рука пишет от «избытка чувств».

Прочитав письмо, я вижу, что оно бред и дикость и что совсем не то и гораздо более я хотела сказать, но боюсь и этим надоест Вам, боюсь, что сама, начав обдумывать, не решусь послать его, пусть же идет оно, как вышло, ведь я пишу не для рисовки. Вот что, между прочим, я хотела сказать. Я не прошу у Вас ответа, но это для многих интересный вопрос. Займитесь им в Вашем «Дневнике», и Вы окажете услугу многим. Что делать и куда идти такой

женщине, как я (а подобных бездна). У меня есть сила, здоровье, молодость еще и энергии еще немного сохранилось, а увлечения так и очень много, есть и желание работать, есть и познания кой-какие, нет только, главное, инициативы и мало веры.⁵

И еще хотела сказать, что если б понадобился Вам человек вполне преданный, до фанатизма, готовый для Вас на все, в огонь и в воду, на преступление, на подвиг, то располагайте мною, кликните меня.

А. М.

Печатается по подлиннику ИРЛИ, № 29 928

Автор письма неизвестен Однако письмо чрезвычайно характерно для целой группы читателей «Дневника писателя», среди которой большинство составляли молодежь и женщины, необычайно сочувственным отношением к Достоевскому и стремлением обращаться к нему за разрешением основных жизненных вопросов Видимо, имея в виду письмо А М и многие ему подобные, Достоевский отметил в майском выпуске «Дневника писателя» «„Дневник писателя“ дал мне средство ближе видеть русскую женщину, я получил несколько замечательных писем меня, неумелого, спрашивают они „что делать?“ Я ценю эти вопросы и недостаток умения в ответах стараюсь искупить искренностью» (23, 28)

¹ Речь идет о портрете Достоевского кисти В Г Перова, созданном в 1872 г по заказу П М Третьякова и выставленном в Петербурге на передвижной выставке в декабре 1872 г См Лит наследство М, 1973 Т 86 С 122—123

² А М пересказывает мысль Достоевского, высказанную им в статье «По поводу выставки», вошедшей в «Дневник писателя» 1873 г «Портретист ( ) знает на практике, что человек не всегда на себя похож, а потому и отыскивает „главную идею его физиономии“, тот момент, когда субъект наиболее на себя похож В умении приискать и захватить этот момент и состоит дар портретиста» (21, 75)

³ Фраза эта из романа «Подросток» См 13, 417

⁴ Заурядный читатель — псевдоним А М Скабичевского (1838 — 1910), критика народнической ориентации, сотрудника газеты «Биржевые ведомости», журнала «Отечественные записки», впоследствии — «Русского богатства» и др Выступал с критикой Достоевского с демократически-народнических позиций Возможно, автор письма имеет в виду статью Заурядного читателя «О г-не Достоевском вообще и о романе его „Подросток“» (Биржевые ведомости 1876 9 янв № 8, см 17, 353—354), а также его критический отклик на выход январского выпуска «Дневника писателя» на 1876 г (Биржевые ведомости 1876 6 февр № 36, см 22, 291 и 295—296)

⁵ К вопросу о роли женщины в современном русском обществе Достоевский не раз обращался в «Дневнике писателя» на 1876 г Возможно, что откликом на письмо А М является ряд высказываний во второй главе майского выпуска «Дневника писателя», вызванных также и рядом других материалов «Одна несоответственная идея», «Несомненный демократизм Женщины» (23, 24, 27—28), «Опять о женщинах» в июньском выпуске (23, 51—53) и др

Дм В Карташов — Достоевскому
10 мая 1876 г. Дмитровск

Милостивый государь
Федор Михайлович.

В нашей современной гнилой прессе Вы являетесь как Древний Пророк (ради правды не подумайте, что это сравнение сделано для красоты слога). Когда печатное наше слово обличало до опозления, Вы один стали, вне его направления, с своим Дневником

Первый номер Вашего Дневника с самой первой страницы показал нам всю чистоту Ваших намерений; мы сочувственно отнеслись к Вашей глубокой симпатии к народу, к семье и к детям, как основанной на идее вечного ученья. Разбор речи Спасовича² произвел у нас потрясающее впечатление; но простите за откровенность: Вы много дали места г-ну Авсеенке;³ для ответа ему Вы пред этим достаточно высказались за Народный Идеал; если же отвечать самозванным публицистам на все те плевки, какими они одолжают народ, то тесны будут пределы Вашего Дневника. Вы хорошо сделали, что номер дневника ограничили 1—2-мя листами; это самое (конечно при содержании) ставит нас в невольное уважение к каждой его строке, и мы его прочитываем как страницы Св. Писания (опять не для красоты слога). И поэтому просим Вас — обходите, пожалуйста, Авсеенку с братиею.

С чувством глубочайшего омерзения прочитали мы дело Каировой;⁴ это дело, как фокус объектива, всецело выразило собою картину утробных инстинктов, для которой главное действующее лицо (Каирова) формировалось путем культурной подготовки: мать во время беременности вдалась в пьянство, отец был пьяница, родной брат от пьянства потерял рассудок и застрелился, двоюродный брат зарезал свою жену, мать отца была сумасшедшая — и вот из этой-то культуры вышла личность деспотическая и необузданная в своих утробных пожеланиях; обвинительная даже власть стала в недоумение перед этой личностью — и дала себе вопрос: не сумасшедшая ли она? — Эксперты частью положительно это отрицали, а частью допустили возможность сумасшествия, но не лично в ней, а в ее поступках. Но сквозь всего этого процесса проглядывает не сумасшедшая, а женщина, дошедшая до крайних пределов отрицания всего святого; для нее не существует ни семьи, ни прав другой женщины — не только на мужа, но и на самую жизнь, но все для одной только ее и ее утробных похотей.

Ее оправдали, может быть, как сумасшедшую, это еще слава Богу! По крайней мере нравственная распушенность отнесена не к прогрессу ума, а к разряду «психических болезней».

Но в «нижнем помещении публики, занятом исключительно дамами, слышались аплодисменты» («Биржев(ые) вед(омости)»)⁵. Чему аплодисменты? — Оправданию сумасшедшей, или торжеству расхोлившейся страстной натуры, или цинизму, проявленному в лице женщины? . .

Рукоплещите, дамы! рукоплещите, жены, матери! да им не рукоплескать, им плакать надобно при таком поругании идеала женщины: Каировой женщина поругана публично, она низведена ей до уровня помойной ямы. И ей рукоплещут женщины!⁶

Неужели Вы обойдете это молчанием?

С чувством искреннего уважения имею честь быть Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою

Д. Карташов.

10 мая 1876 г.
Рядогощь.

На конверте

В С.-Петербург
Его высокоблагородию
Федору Михайловичу
г. Достоевскому
Греческий проспект, подле Греческой церкви, д. Стру-
бинского. Кварт. № 6-й.

Печатается по подлиннику ИРЛИ, № 29 737

На почтовом штемпеле — Дмитровск (уездный город Орловской губернии)

Письмо Д В Карташова было процитировано Достоевским в майском выпуске «Дневника писателя», глава первая, подглавка I «Из частного письма» (23, 5) и таким образом как бы послужило толчком к разбору «дела Каировой» в последующих статьях выпуска Кроме того, письмо Карташова стало поводом к размышлению о «новом слове», слышавшемся из нашей провинции Во II подглавке выпуска «Областное новое слово» Достоевский, включившийся в полемику о провинциальной печати, которая была частью большой и многолетней дискуссии о различных принципах устройства России (федеративном или централизованном), отметил «Это письмо из провинции есть письмо частное, но замечу здесь к слову, что наша провинция решительно хочет зажить своеобразно и чуть ли не эмансипироваться от столиц совсем» (23, 6) Основанием для такого суждения было, конечно, не столько внимание Карташова к делу Каировой, сколько выраженное в его письме коллективное суждение группы читателей о «Дневнике писателя», суждение, которое Достоевский, конечно же, не мог воспроизвести, но не мог и не учитывать как мнение определенного круга провинциальной публики

¹ Неточная цитата из стихотворения М Ю Лермонтова «Пророк» (1841) У Лермонтова

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья

² Имеется в виду вторая глава февральского выпуска «Дневника писателя», посвященная разбору судебного слушания дела С Л Кроненберга (у Достоевского — Кронеберга), обвинявшегося в истязании своей семилетней дочери III подглавка — «Речь г-на Спасовича Ловкие приемы» — содержит анализ речи адвоката В Д Спасовича (см 22, 57—63)

³ Вся первая глава апрельского выпуска «Дневника писателя» посвящена по лемике с писателем и критиком В Г Авсеенко (см 22, 103—119 и 370—381)

⁴ Дальнейший текст письма, с некоторыми пропусками, Достоевский привел в начале майского выпуска «Дневника писателя» и откликнулся на призыв Д Карташова, посвятив разбору «дела Каировой» первую главу майского выпуска

⁵ В газетных отчетах сказано «В нижнем помещении публики, занятом исключительно дамами, слышались рукоплескания, которые тотчас же были заглушены дружным шиканьем остальной части публики» (Биржевые ведомости 1876 30 апр № 118)

⁶ Фраза «Каировой женщина поругана публично ~ И ей рукоплещут женщины!» — в тексте «Дневника писателя» опущена, что отмечено Достоевским «(NB Здесь опускаю несколько слишком уже резких строк)»

Аноним — Достоевскому
17 мая 1876 г. Петербург

Милостивый государь
Федор Михайлович.

Через час по столовой ложке. Но я скоро замолчу! Вы же долго еще будете жить. Вы не удивляйтесь такой надоедливости. Ей-Богу, мне дорога жизнь, дорог каждый шаг, где видна жизнь. — А *нашу* жизнь никто лучше Вас не распознал. — У меня есть два брата: один европеец — человек практичный; другой русский — человек теории, профессор и проч. И обоих этих братьев объяснили мне Вы. Поймите же, что я имею право Вас любить.

Опять-таки

Ваш Читатель.

Прощайте!

Печатается по подлиннику: ИРЛИ, № 29 943.

Дата и место написания устанавливаются на основании почтового штемпеля на конверте.

Автор письма неизвестен. На основании некоторых деталей («...не удивляйтесь такой надоедливости», «Опять-таки Ваш Читатель») можно думать, что он уже раньше писал Достоевскому, но его предыдущее письмо или письма до нас не дошли. Судя по очень неровному почерку, письмо могло быть написано человеком, находящимся в постели, на что указывает и содержание его. Возможно, автор собирается кончить жизнь самоубийством и принял яд или тяжело болен и считает себя обреченным.

Сведения о двух братьях — «европейце» и «русском», являющихся как бы противоположностью один другому и отличных от автора письма, третьего брата, — могли послужить для Достоевского одним из толчков к зарождению замысла «Братьев Карамазовых».

Неизвестный — Достоевскому
9 июня 1876 г. Петербург

9-го июня. Среда
С.-Петербург.

Милостивый государь
Федор Михайлович!

Позвольте утрудить Вас прочтением этих строк, которые я пишу в роковое для меня время, когда бы, казалось, незачем и писать, но я вчера прочел Ваш майский № Дневника и там нашел несколько строк, относящихся к моему теперешнему состоянию и к моей, вчера же, только что принятой решимости. Вы в главе «Одна несоответствующая идея»¹ говорите: «Есть, наконец, и парадоксалисты, иногда очень честные, но большею частью бездарные; те, особенно если честны, кончают непрерывными самоубийствами» и далее: «Русская земля как будто потеряла силу держать на себе людей».² Не знаю, как другие, но я себя парадоксалистом не считаю, однако большинство знающих меня считают парадоксами

мои убеждения или большую их часть. Например, Вы вот упомянули слово: *независимость*.³ Я этой идеи, этого понятия, как не вытекающего из сути вещей, как не имеющего почвы и *raison d'être*⁴ — вовсе не признаю. Это отвлечение и отвлечение невозможное. Где она, независимость? Что есть независимость? Все одно за другое цепляется, одно другому подчиняется — независима только одна та сила, сила бытия и необходимости, т(о) е(сть) то, что одни называют Богом, другие клеточкой, третьи неизвестным, недоступным духом — одним словом «*Великая Тайна*». Но тайна и останется тайной, а в этом-то именно и заключается весь смысл нашего существования, весь цикл условий, в котором стоит мир. Вы видите, что атеизм (по крайней мере, так понимают его),* но прошу Вас, не относитесь к этому слову с предвзятыми идеями и даже чувствами, так как в Вас, как в христианине и глубоко христианине, чувство всегда идет вперед. . . Мне хочется лишь спросить Вас, прав ли я или нет, и для этого скажу предварительно два слова о себе. Я не мыслитель, я даже необразованный человек. Я был в учил(ище) Правоведения, что, кроме легкомыслия и пошлости, можно было оттуда вынести? (Не говорю о той условной, специальной и мизерной честности, о которой много кричали в былое время — она кое-что микроскопическое, но все-таки сделалась, хотя с формальной, поверхностной точки зрения). Дух воспитания был скверный, нравственная сторона безобразна колоссально! Поощрялись мелкие, жалкие стремления, порывания к отличиям, лакейство и вместе с тем ублюбочное самомнение. Преподавание (при мне) шло плохо. Кое-кто кое-как и кое о чем читал. Взяли было *Павлова*⁵ (профессора ученого и человека великолепного), да сейчас же и прогнали — зараза, мол! Обращение пожарного майора, Директора, ученого автора блистательной монографии о русском государственном цвете, и всей свиты его — было недостойное. Розги (при мне, повторяю) были не только акцимой, но каждую субботу появлялись в виде правильной строевой, так сказать, и неизбежной дёрки. И так далее, и т. д.! Кажется, не ахти какое воспитание и образование. Я был уже во 2-м классе (на предпоследнем курсе), когда вследствие необдуманной и, конечно, ненужной и глупой дерзости должен был оставить этот храм будущих жрецов Фемиды. И вот сперва судьба бросила меня на службу, но там я не ужился тоже. Отвратительное домашнее воспитание и школьная выправка приносили свои плоды: легкомыслие, отсутствие принципов, задач, непонимание полное как себя, так и вообще *смысла жизни!* . . Не ужившись на противном мне бюрократическом поприще, я попробовал прожить несколько лет в деревне, занимаясь хозяйством, природой и чтением. Я уже начал чувствовать прилив новых ощущений и даже силу какую-то. Я стал читать критически. . . *Ренан* прельстил меня, *Милль* был глубоко симпатичен, *Бокль* открывал мне смысл истории, но *Дарвин*, вот кто все во мне перевернул, весь строй, все

---

* Так в подлиннике.

мысли — я упивался этой новой, ясной и, главное, положительно-точной картиной мира! Я сделался другим человеком. *Фейербах* докончил в области духа то, что *Дарвин* начал в области фактов. Я потерял чувство (т<о> е<сть> религию), но приобрел мысль и убеждение.⁶ Однако случай меня в жизни не баловал. Целым рядом несчастно сцеплявшихся обстоятельств (уж конечно, не без вины и ошибок с моей стороны) — я дошел до безысходного положения, я так ловко устроился, что пришлось убедиться, что я лишний человек, дурная, сорная трава, не опора, а бремя для семьи (а у меня 3-ое детей — вот кого жалко покинуть, а надо). Я здраво, математически верно определил безысходность положения и весь вред моего существования и решился умереть (семья, понятно, обеспечена более или менее — да и помощь ей и нравственная и физическая тоже обеспечена). Как Вы полагаете: не тяжело ли земле носить таких субъектов? . Поветрие самоубийства может быть лишь между гимназистами, жалкими, слабыми девушками да еще между мучениками-пролетариями, — но самоубийство — результат всестороннего обсуждения всех шансов, самого смысла жизни и своего собственного я — это не преступление и даже не ошибка, это — право. И в истории бывали примеры самоубийств, логически необходимых, поражающих свою грандиозностью (напр<имер> Николай I. — Узкий политик, деспот, что угодно, но характер цельный, выдержанный, — *chevalies de ses idées!*⁷ — до конца себе верный. — Увидел он, что стал невозможен, и предпочел смерть уступкам и унижению в своих верованиях и убеждениях. — Тип цельный, повторяю, и смерть его — великая картина!). Куда хуже эти водянистые, размазанные черты, которые мы видим в основе всех нынешних дел. Правая рука дает, а левая отнимает украдкой. Даны великие реформы, а главное, то, без чего реформы не стоят ни гроша, то, что должно предшествовать политическим правам народа, — то не дано! Я разумею настоящие, свободные и обязательные народные школы, а не à la граф Толстой (министр),⁸ не с дворянской стражей. (Волка стеречь овец не ставят!) Оттого-то долго еще людей не будет, и дело будет идти вкрявь и вкось! Судьи не умеют вопроса поставить, присяжные лишены концепции и смелости, неумелы и робки. Адвокаты — разбойники и шулера. Гадко! а земства? а дума? а община? Где единодушие, где смелая и честная правда? Где понимание своего дела? Все идет ощупью, шатко, путаясь, кое-как, неуверенно и лишь с трепетом справляясь, время от времени: так ли сказано в *реформ-указе?* Да, гадко и скверно, м<илостивый> г<осударь>, и в будущем сколько еще горя, ошибок и бедствий! И жить-то на Русской земле нельзя, уж лучше Батый, Иоанн IV, все что угодно, а не эта двуличная, полицейско-либеральная комедия, без людей и принципов! Бежать надо, и многие бегут. Была бы возможность, пошел бы умирать к боснякам,⁹ но — не имея возможности — решился покончить с земным, беру маленькую и миленькую игрушку, поиграю ею одно мгновение и всему конец! Несколько дней и осталось для деловых, необходимых распоряжений, и потому, если хотите и найдете время,

напишите словечко. Я Вас очень полюбил и уважаю, даром что Вы мистик, но Вы — честная душа, а много ли таких? Делайте свое дело — человечество Вас не забудет. Поверите ли, я в дверях могилы, а на сердце стало тихо, мирно и ясно! В мать-природу иду. Из нее и в нее. Вот и Тайна! Не она ли?

Уважающий Вас N. N

P. S. Если соблаговолите ответить, то немедленно, время дорого. Адрес: С-Петербургский почтамт, post restante — г-ну X. Y. Z. с девизом: «От веры к неверию» или лучше: «*Ответ на исповедь*».

Печатается по подлиннику ИРЛИ, № 29 956

Судя по сохранившемуся конверту, письмо, не заставшее Достоевского в Петербурге, было переслано ему по почте в Старую Руссу и дошло до адресата 12 июня 1876 г

Среди июньских записей в тетради 1876 г Достоевский отметил: «Письмо самоубийцы» (24, 223)

Достоевский, по-видимому, ответил на письмо X Y Z, однако сведений об этом не сохранилось. Возможно, что «письмо самоубийцы» вызвало у Достоевского желание еще раз обратиться к теме самоубийства и поспорить со своим корреспондентом в июльско-августовском выпуске «Дневника писателя». В записной тетради 1876 г, где зафиксированы разные программы содержания этого выпуска, есть и такая запись

«Глава 3-я ПАРАДОКСАЛИСТ ПУТАНИЦА МНЕНИЙ

Слово я есть до того великая вещь, что бессмысленно, если оно уничтожится. Тут не надо никаких доказательств. Всякое доказательство несоизмеримо. Мысль, что я не может умереть, — не доказывается, а ощущается. Ощущается как живая жизнь» (24, 234)

Замысел этот не был реализован, однако, несомненно, письмо X Y Z осталось в сознании Достоевского и послужило материалом, наряду с другими источниками, для дальнейших рассуждений писателя на подобные темы

¹ Статья Достоевского называется «Одна несоответственная идея» «Дневник писателя» на 1876 г, майский выпуск, глава вторая, подглавка II

² Цитаты из статьи «Одна несоответственная идея», см 23, 24

³ О «самой высшей независимости» или «полной независимости духа» Достоевский заговорил в конце I подглавки второй главы майского выпуска «Нечто об одном здании Соответственные мысли» (23, 23—24) и продолжил этот разговор в подглавке «Одна несоответственная идея» «Я сказал, однако, сейчас „независимость“? Но любят ли у нас независимость — вот вопрос. И что такое у нас независимость? Есть ли два человека, которые бы понимали ее одинаково, да и не знаю, есть ли у нас хоть одна такая идея, в которую хоть кто-нибудь серьезно верит?» (23, 24)

⁴ raison d'être — разумное основание, смысл (франц.)

⁵ Вероятно, имеется в виду Платон Васильевич Павлов (1823—1895), известный историк и общественный деятель, автор работ по русской истории XVI—XVII вв. Был профессором в Московском и Киевском университетах, в 1859 г переведен в Петербург, а в 1861 г избран профессором Петербургского университета. Однако в 1862 г был выслан в Ветлугу за публичную лекцию о тысячелетии России. Блестяще начавшаяся научная карьера Павлова была прервана в самом ее расцвете. Вернувшись из ссылки в 1866 г, Павлов преподавал статистику в Петербурге, а затем уехал в Киев. Видимо, приглашение его в училище Правоведения относится к 1860 или 1861 г

⁶ Ренан Жозеф-Эрнест (1823—1892) — французский писатель, историк и филолог-востоковед. Как и Д. Ф. Штраус (1808—1874), в ряде своих трудов Ренан критически исследовал Новый Завет и доказывал, что Иисус Христос был исторической личностью, а не Сыном Божиим. Об отношении Достоевского к Ренану см *Кийко Е. И. Достоевский и Ренан* // Достоевский. Материалы и исследования Л., 1980. Т. 4. С. 106—122

Милль Джон Стюарт (1806—1873) — английский философ-позитивист и экономист. Главный социологический труд его — «Основания политической экономии» (пер Н Г Чернышевского), имеющий некоторую социалистическую окраску, оказал большое влияние на русскую экономическую школу. В книге Милля «О подчиненности женщин» затронут женский вопрос.

Бокль Генри Томас (1822—1862) — выдающийся английский историк. Главный труд его — «История цивилизации в Англии» (1858—1861). Бокль установил, что развитие человечества происходит на основании объективных законов, подобно тому, как на основании объективных физических законов происходит развитие в мире природы.

Дарвин Чарльз Роберт (1809—1882) — основоположник научной теории органического мира. Главный труд его «Происхождение видов» вызвал широкий резонанс в мировой, в том числе и русской, науке и публицистике.

Фейербах Людвиг (1804—1872) — немецкий философ материалист, произведший «переворот в области метафизических идей» (*Анненков П В Литературные воспоминания М, 1960 С 274*) в сознании русских мыслителей уже в 1840-е гг. Материализм Фейербаха стал философской основой для развития социалистических идей в русском обществе (там же).

Весь этот пассаж корреспондента Достоевского с перечислением имен особо чтимых им авторов является невольной или, напротив, осознанной полемикой с Достоевским. В «Дневнике писателя» 1873 г в статье «Одна из современных фальшей» (Гражданин 1873 10 дек № 50) Достоевский, говоря об отрицательном воздействии атеизма и материализма на нашу идейную молодежь, писал: «Заметьте, господа, что все эти европейские высшие учителя наши, свет и надежда наша, все эти Милли, Дарвины и Штраусы преудивительно смотрят иногда на нравственные обязанности современного человека < > Вы засмеетесь и спросите к чему вздумалось мне заговорить непременно об этих именах? А потому, что трудно и представить себе, говоря о нашей молодежи, интеллигентной, горячей и учащейся, чтоб эти имена, например, миновали ее при первых шагах ее в жизни» (21, 132).
Подробнее об отношении Достоевского к Миллю и Дарвину см 21, 457.

⁷ chevalies de ses idées — рыцарь идеи (*франц*)

⁸ Речь идет о министре народного просвещения гр Д А Толстом (1823—1889), стороннике классического образования, проведшем в 1871 г реформу среднего образования и утвердившем 30 июля 1871 г новый гимназический устав, согласно которому только окончившие гимназический курс с двумя древними языками имели право поступать в университет. В 1874 г Толстой издал положение о начальных училищах, для надзора за которыми были учреждены должности инспекторов.

⁹ Намек на освободительную борьбу балканских славян против Турции. Босняки — жители Боснии, славянской провинции, находившейся под властью Турции.

Дм. В. Карташов — Достоевскому
18 июня 1876 г. Дмитровск

Милостивый государь
Федор Михайлович!

Меня несколько не удивляет фельетон Заурядного читателя в 159 № «Бирж(евых) ведо(мостей)», в нем автор является не более как сторонником несвязных тенденций.¹ Он крайне обиделся за Каирову, потому что она живая личность, а не художественный тип, и вообще самое дело о Каировой вовсе не такое, как, например, дело Овсянникова,² Митрофании³ и Струсберга,⁴ в которых так или иначе бьется нерв общественной жизни, замешиваются интересы массы; это дело не более как две соперницы не могли поделить одного мужчины и одна порезала другую бритвою.

Во всем этом Заурядный читатель не верен.

Каирова — тип, тип, выработанный не фантазией, а ложным направлением жизни; тем направлением, которое с легкой руки «Под-

водного камня» Авдеева ⁵ и «Что делать?» × Чернышевского проникло в молодое (ныне уже устаревшее) поколение, преимущественно в грамотное женское, и сбило их с толку, выработав в их среде тип, этот тип есть Каирова, та самая Каирова, которая фигурирует в своем процессе, черты этого типа, приведенные в Вашем дневнике и в моем письме, не измышлены, но они оглашены и выяснены на публичном суде, стало быть, отданы в достояние публики, до тех пор, покуда этим же судом они не будут опровергнуты как ложь и клевета, до той же Каировой, которая как живая личность носит это имя, никому нет дела, и напрасно Заурядный читатель вызывает на симпатию к ней Дело о Каировой вовсе не дело двух соперниц, не сумевших поделить между собою одного мужчины, и вовсе не такое дело, как Овсянникова, какой подрядчик не грел около подрядов рук? — или матери Митрофании, в коем, опираясь на древний авторитет, обирались богатые хранители древлего благочестия, или предстоящее дело Струсберга, в котором банковские дельцы зарвались немножко подальше того, как делают другие (если не все) банки, да и зарваться было немудрено — зверь-то уж был больно красный! Все эти дела выражают обычную злобу дня Но дело Каировой есть именно одно из тех, в котором бьется нерв общественной жизни и замешиваются (да еще нравственные) интересы массы На суде объявилось, до какой степени тип Каировой излюблен *дамами*, они аплодировали ее оправданию, они заявили свое торжество по поводу оправдания судом излюбленного ими типа И вот начнут разносить его по углам общественной жизни, по семьям, по дортуарам, по народным школам, начиная от центра к окружности — от П(етер)бурга до провинции — Я жил в то время в провинции, когда вышли «Подводный камень» и «Что делать?», и видел своими глазами, как тенденции Чернышевского воспринимались молодыми читательницами и жадно ими всасывались, а затем проводились ими в жизнь, не как личные увлечения, а как принцип, без всякого зазрения совести, потому что это утверждено было литературою Не буду приводить много примеров нравственной распушенности, основанной на принципе, но упомяну только об одном, и то потому только, что он существует сейчас и рядом Живет в уездном городе грамотный человек (из учителей), женатый на грамотной женщине (она существует теперь уроками), живут мирно, у них есть дочка — Но вот в их скромный, семейный быт проникает женщина (каировского типа), женщина замужня, мать ребенка, входит в тесные отношения, высмеивает женщину жену, бросает своего мужа и ребенка и поселяется на житье у своего Великанова,⁷ жена выгнанная (?) оставляет *своего* мужа, *свою* дочь, переходит на квартиру и, чтобы не умереть с голоду, начала давать по домам уроки Что же, это не общественное дело? Что же, этим не затронут один из

---

* В названии Чернышевского произведения не делаю ли ошибки прошу исправить ⁶ — *Примеч Карташова*

важнейших нервов общественной жизни — семья?.. Что же, этим не задеты интересы массы?.. а дочь выгнанной матери? а ребенок, брошенный новой Каировой? Разве это не интересы массы? Да, правда, это интересы маленьких людей, это впечатленица идеальной мелкоты. . и стоит ли литературе тратить на это бумагу; нет, ее надобно поберечь для миллионов Овсянникова, для векселей матери Митрофании, для облигаций струсберговских предприятий, потому что все-таки грандиозно .. Но довольно.

Закончу тем, что Великанова, услышавши об оправдании Каировой, до того была поражена страхом за себя, что поспешила скрыться в провинции от этого дикого, спущенного с цепи зверя.

Желательно было бы, чтобы каировский тип попопней прошел через Ваш дневник.

Прошу принять уверения в глубочайшем к Вам уважении Вашего, милостивый государь, покорнейшего слуги Дмитрия Карташова.

18 июня
1876 года

На конверте

В С.-Петербург
Его высокоблагородию
Федору Михайловичу
г. Достоевскому
По Греческому проспекту, дом Струбинского, квартира
№ 6.

Печатается по подлиннику ИРЛИ, № 29 737

Письмо было отправлено в Петербург, но не застало там Достоевского, который переехал в Старую Руссу, и переправлено ему почтой Почтовые штемпели Дмитровск — 20 июня, С.-Петербург — 24 и 25 июня, Старая Русса — 26 июня

Это второе письмо Д В Карташова к Достоевскому явилось откликом на майский выпуск «Дневника писателя» Разбор Достоевским «дела Каировой», принятый как бы в ответ на предложение Карташова в его письме от 10 мая, видимо, не удовлетворил последнего

Взгляд Карташова на Каирову как на «тип, выработанный < > ложным направлением жизни», тем направлением, которое он связывает прежде всего с именем Чернышевского и дискуссиями вокруг «женского вопроса», не встретил отклика у Достоевского Писатель, анализируя все это «дело», увидел в Каировой прежде всего слабую, страдающую и «беспорядочную» женщину Сосредоточившись на противоречивых психологических состояниях обеих соперниц — Каировой и Великановой, Достоевский был дальше всего от прямолинейного и однозначного подхода к оценке поведения той и другой Поэтому он оценил положительно оправдание Каировой присяжными, подчеркивая, что, по сути, это было не оправдание, а прощение Когда Христос простил грешницу, то «прибавил „иди и не греши“ Стало быть, грех все-таки назвал грехом, простил, но не оправдал его » (23, 16) Письмо Д В Карташова, по видимости направленное против Скабичевского («Заурядного читателя»), по сути своей полемизирует с Достоевским, «подправляет» его и заключается советом, чтобы «каировский тип», т е тип, выработанный «отрицательным», «нигилистическим» направлением так называемого женского вопроса, «попопней» прошел бы через весь «Дневник писателя» Известно, однако, что, постоянно возвращаясь в «Дневнике писателя» к теме положения женщины в современном русском обществе, Достоевский рассматривал эту тему с совершенно иных позиций

¹ Статья А М Скабичевского (писавшего под псевдонимом Заурядный читатель), посвященная майскому выпуску «Дневника писателя» (Биржевые ведомости 1876 11 июня № 159), отличалась резкими выпадами в адрес Достоевского, особенно за разбор им речи адвоката Утина Скабичевский, в отличие от Карташова, целиком оправдывал Каирову и считал, что «г-н Достоевский < > довершает дело суда тем, что закидывает грязью несчастную женщину»

² Дело Овсянникова слушалось в Петербургском окружном суде в конце 1875 г (с 25 ноября по 6 декабря) Петербургский купец-миллионер, торговец мукой, С Т Овсянников обвинялся в поджоге арендованной им паровой мельницы, что должно было принести ему прибыль Процесс этот привлек большое внимание Достоевский следил за отчетами судебного разбирательства, о чем свидетельствуют его записные тетради 1875 г (см 24, 71, 72, 73, 77, 80 и др), и упомянул Овсянникова в октябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г (см 23, 157)

³ Дело игуменьи Митрофании (в миру баронесса П Г Розен), настоятельницы Владычне-Покровского монастыря в г Серпухове, занимавшейся подлогами денежных документов в пользу своего монастыря, слушалось в суде в 1874 г и привлекло огромное внимание публики и прессы (см 17, 392)

⁴ Имеется в виду дело о получении железнодорожным деятелем Б Г Струсбергом банковской ссуды в семь миллионов под ничего не стоявшие бумаги, вызвавшем в результате банкротства Струсберга в 1875 г крах банка Дело рассматривалось судом в Москве в октябре 1876 г Струсберг упоминается в записных тетрадях Достоевского, а также в октябрьском выпуске «Дневника писателя» (23, 159—160)

⁵ Роман М В Авдеева (1821—1876) «Подводный камень» был в 1860 г напечатан в «Современнике», в 1863 г вышел отдельным изданием Посвященный И С Тургеневу роман, отстаивающий право на свободу чувства, соотносился читателями и критикой с обсуждаемым тогда «женским вопросом» Критика отмечала также зависимость романа от «Жака» Жорж Санд и «Полиньки Сакс» А В Дружинина

⁶ Сомнение Д Карташова в правильности названия романа Чернышевского указывает на то, что он не читал его

⁷ Карташов называет знакомых ему мужа и жену по аналогии с «делом Каировой» Великанов — фамилия любовника Каировой, на жену которого, Великанову, Каирова совершила покушение

П. П. Шахова — Достоевскому и А. Г. Достоевской
11 июня 1878 г. С.-Петербург

Благодетели мои дорогие Федор Михайлович и Анна Григорьевна, я еще до сих пор не попала в богадельню.¹ Г-жа Засецкая² все еще ответа мне не дает, я постоянно к ней хожу.³ Я, слава Богу, живу в том же доме, у тех господ, что против нас живут.⁴ Ходила несколько раз на могилку дорогого Лешеньки,⁵ и там так хорошо, все цветет, птички поют, точно его, голубчика, поминают.⁶ Дай Бог, чтобы Вы были здоровы, дорогие благодетели, и Ваши милые детки, а я без Вас скучаю Эти господа меня полюбили, у которых я пока живу, и зовут с собою на дачу в Мурино, до тех пор пока мне какое-нибудь решение насчет богадельни выйдет Прощайте, дорогие Федор Михайлович и Анна Григорьевна, обнимаю Вас и желаю всего лучшего. Милых деточек Фединьку и Лилиньку⁷ целую крепко, дай Бог, чтобы были здоровы и веселы. Милой барыне Анне Николаевне⁸ кланяюсь и желаю доброго здоровья. Кате⁹ передайте мою память. Не забывайте, милые мои благодетели, Вас много любящую

Парасковью Шахову.

Адрес мой все прежний: против Греческой церкви, дом Струбинского № 6, кв. № 5. Если Вы напишите мне письмо по этому

адресу, то здешний дворник перешлет в Мурино Оттуда я напишу адрес

На конверте

Его Высокоблагородию Федору Михайловичу Достоевскому Новгородской губ В г Старая Русса Дом Грибов¹⁰

Печатается по подлиннику ИРЛИ, № 29 900

Дата устанавливается на основании почтовых штемпелей на конверте С Петербург — 11 июня 1878 г, Старая русса — 12 июня 1878 г

Согласно «Указателю мест пребывания Ф М Достоевского с 1878 по 1881 год» (30, 1, 414), до 18 июня 1878 г писатель находился в Петербурге, затем совершил поездку в Оптину пустынь и приехал в Старую Руссу только 2 июля Иная картина в «Основных датах жизни Ф М Достоевского в Старой Руссе» Л М Рейнуса «1878 Позднее 21 мая Отъезд Достоевских в Старую Руссу после смерти сына Алексея» Отметив затем поездку в Оптину пустынь, Рейнус продолжает «Около 3 июля Возвращается в Старую Руссу» (*Рейнус Л М Достоевский в Старой Руссе* Л, 1971 С 75) Хронология Л М Рейнуса представляется более достоверной, так как соответствует свидетельству А Г Достоевской «Тотчас после похорон Алеши ( ) мы переехали в Старую Руссу, а затем 20 июня Ф М уже был в Москве» (*Достоевская А Г Воспоминания* М, 1987 С 347) Письмо Шаховой, посланное 11 июня 1878 г из дома Струбинского, косвенно подтверждает, что Достоевского в это время не было в Петербурге

П П Шахова — няня сына Достоевских Феде (не позднее чем с мая 1872 г), известная в биографической литературе о писателе только по отчеству — «Прохорова» С середины 1870 х гг, не живя постоянно в доме Достоевских, часто навещала их, помогая по хозяйству, особенно когда Ф М бывал в городе один Достоевский очень ценил Шахову, говоря «А Прохоровну, если только возможно это, я бы навсегда оставил!» (*Достоевский Ф М, Достоевская А Г Переписка* М, 1979 С 93) По свидетельству А Г Достоевской, писатель «выставил» Прохоровну (под своим именем) в романе «Братья Карамазовы» (ч I, кн 2, гл III «Верующие бабы») в числе женщин, пришедших за советом к старцу Зосиме (*Достоевская А Г Воспоминания* С 295—96)

В записной книжке Достоевского 1875—1876 гг записан адрес Шаховой «В 6 ой Роте Измайловского полка, дом № 22, кварт № 7» (Лит наследство М, 1971 Т 83 С 469) Видимо, по этому адресу писатель 9 февраля 1875 г «заезжал к Прохоровне» (29, 2, 15) 18 июля 1876 г А Г Достоевская сообщает мужу в Эмс уже другой адрес «няняши» «Пальто твое взяла Прохорова, вот ее адрес „в Измайловском полку, Заротная улица, д № 9, кв № 2, Шахова“» (*Достоевский Ф М Достоевская А Г Переписка* С 228) О несохранившемся письме Шаховой Достоевскому от середины декабря 1874 г см там же С 141

¹ Весной 1878 г Достоевский хлопотал об устройстве Шаховой в богадельню См его письма Н М Достоевскому и А П Философовой от 17—27 апреля 1878 г (30, 1, 21, 25, 27)

² Ю Д Засецкая — дочь поэта партизана Дениса Давыдова, писательница, переводчица Занималась филантропической деятельностью, основала первый в России ночлежный дом для бедных (1872) Познакомилась с Достоевским в 1873 г Летом 1878 г способствовала помещению Шаховой в богадельню 14 июня 1878 г она писала Достоевскому «Все сделано, улажено и устроено для вашей старушки Я взяла ей годовой мещанский паспорт, отдала Лопатину для богадельни ( ) Очень рада, что это мне удалось, несмотря на все препятствия, но после Бога она Вас должна за это благодарить» (Вопр лит 1971 № 11 С 217) В конце июля — начале августа 1878 г Засецкая посылает Достоевскому «книгу „Histoire de la Compagnie“ а в ней адрес Шаховой» (там же) — видимо, адрес богадельни

³ Ю Д Засецкая жила на «Невском проспекте, против Николаевской, дом № 100» (Лит наследство Т 83 С 467)

⁴ С сентября 1875 г Достоевские жили на I реческом проспекте в доме Струбинского, кв № 6 Шахова в настоящем письме дает адрес соседней Достоевских

⁵ Младший сын Достоевских Алексей умер 16 мая 1878 г в возрасте неполных трех лет «от внезапного, никогда не бывавшего до сих пор припадка падучей болезни» (30, 31) «Утром в день смерти он еще лепетал на своем не всем понятном языке и громко смеялся с старушкой Прохоровной, приехавшей к нам погостить пред нашим отъездом в Старую Руссу» (*Достоевская А Г Воспоминания С 344*)

⁶ Похоронен 18 мая 1878 г на Большеохтинском кладбище, рядом с дедом Григорием, отцом А Г Достоевской

⁷ Дети Достоевских 10 февраля 1875 г Достоевский писал жене в Старую Руссу «Скажи детям, что Прохоровна им кланяется и любит их, а об Феде над его карточкой плачет У ней и Федя, и Лиля висят на стене» (*Достоевский Ф М Достоевская А Г Переписка С 152*)

⁸ А Н Сниткина, мать А Г Достоевской

⁹ Скорее всего, кто то из прислуги Достоевских

¹⁰ А К Гриббе — домовладелец в Старой Руссе, у которого Достоевские в 1873—1875 гг снимают на лето часть дома После смерти Гриббе (1 января 1876 г) Достоевские покупают дом у его наследников

Вл С Соловьев — Достоевскому
12 июня 1878 г Москва

12 июня 78
Москва

Многоуважаемый Федор Михайлович, сердечно благодарю за память¹ Я *наверно* буду в Москве около 20 июня, то есть если не в самой Москве, то в окрестностях, откуда меня легко будет выписать в случае Вашего приезда, о чем и распорядюсь Относительно поездки в Оптину пустынь *наверно* не могу сказать, но постараюсь устроиться² Я жив порядочно, только мало сплю и потому стал раздражителен До скорого свидания
Передайте мое почтение Анне Григорьевне

Душевно преданный
Вл Соловьев

Печатается по подлиннику ГБЛ, ф 93 II 8 120 б

¹ Письмо Достоевского к Вл Соловьеву с извещением о его приезде в Москву и с предложением совместной поездки в Оптину пустынь не сохранилось В «Списке несохранившихся и найденных писем» 1878—1881 гг оно отсутствует

² А Г Достоевская несколько иначе описывает последовательность этого события « я упросила Вл С Соловьева < > уговорить Федора Михайловича поехать с ним в Оптину пустынь, куда Соловьев собирается ехать этим летом Посещение Оптиной пустыни было давнишнею мечтою Федора Михайловича, но так трудно было это осуществить Владимир Сергеевич согласился мне помочь и стал уговаривать Федора Михайловича отправиться в Пустынь вместе Я подкрепила своими просьбами, и тут же было решено, что Федор Михайлович в половине июня приедет в Москву < > и воспользуется случаем, чтобы съездить с Вл С Соловьевым в Оптину пустынь» (*Достоевская А Г Воспоминания Л, 1971 С 322*) Поездка состоялась с 23 по 28 июня 1878 г

Вл С Соловьев — Достоевскому
26 ноября 1878 г Петербург

Многоуважаемый и дорогой Федор Михайлович
С Вашего позволения, имею на Вас два покушения, которые, чтоб облегчить Вас, могу совокупить воедино

А именно: 1) один молодой человек и весьма достойный офицер алчет и жаждет познакомиться с Вами. 2) В таком же положении находится одна пожилая и во всех отношениях приятная дама.

Фамилия офицера — Саломон,¹ дама же есть графиня Толстая. Так, если Вы позволите, завтра в *воскресенье* вечером я приеду к Вам с Саломоном и, побеседовав малое время, отпустим его с миром и затем поедem к Толстой, которая живет недалеко от Вас.²

Я во вторник уезжаю в Москву. Болею и хандрю.

До свидания.

Преданный Вам
Вл. Соловьев.

На конверте

Его высокоблагородию Федору Михайловичу Достоевскому. На углу Ямской и Кузнечного переуллка, дом № 2, квартира № 10.

Печатается по подлиннику ГБЛ, ф 93 II 8 120 б Частично опубликовано Лит наследство М, 1973 Т 86 С 479

Дата устанавливается по почтовому штемпелю 26 ноября 1878 г На конверте — наброски Достоевского к «Братьям Карамазовым» См 27, 122

¹ Неустановленное лицо

² Л Р Ланский считает, что здесь речь идет о вдове президента Академии художеств графине А И Толстой (Лит наследство Т 86 С 479—480) Однако более вероятно, что речь идет о близком друге Вл С Соловьева, вдове Ал К Толстого, графине Софье Андреевне Толстой (1824—1892) В записке к писателю, датированной 1878 г, С А Толстая писала «Жалею очень, что не видела жену вашу — надеюсь, в другой раз познакомиться» (там же С 294), что свидетельствует о недавнем ее знакомстве с Достоевским Кроме того, упоминание Соловьева, что графиня Толстая живет недалеко от Достоевского, может быть сопоставлено с воспоминаниями Л Ф Достоевской, что отцу, познакомившемуся с С А Толстой, вскоре < > вошло в привычку заходить к графине Толстой во время своих прогулок, чтоб обменяться новостями дня» (там же С 303)

А Н Курносова — Достоевскому
Около 11 января 1880 г. Петербург

Федор Михайлович! Простите!

Я, совершенно незнакомая и неизвестная Вам, обращаюсь к Вам с просьбой, с сильной просьбой — ответить мне хотя бы в нескольких словах на мое письмо Боже мой, мне так совестно, так неловко было писать, что я, несмотря на сильное желание уяснить себе многое, все же стеснялась и долго не решилась обратиться к Вам с просьбой: мне все казалось, что Вы, прочитавши мое письмо, махнете на него рукой и оставите без внимания, а это ведь мне было бы очень обидно, или же (чего я ужасно страшилась) подумаете то же, что некоторые мои знакомые не постеснялись сказать мне в глаза, «что я хочу обратить на себя Ваше внимание» с той целью, какая преследуется многи-

ми, — «выступить литературным героем». Но как они меня не принимают — я ничего такого не хочу; я хочу слышать от Вас слово, от Вас же именно потому, что я, Федор Михайлович, Вас крепко уважаю; я верю Вам так, как ни в одного человека в мире; ни один человек не служит для меня таким нравственным светилом, как Вы. Когда я послушаю Вас на вечерах,¹ вот тогда-то мне и легче станет и на душе светло, так светло, как было тогда, когда я была маленькая и когда у меня была добрая мать, — теперь у меня никого нет; нет того, кого душа хочет, а хочет она светлого, чего-то хорошего, во что бы можно было верить всю жизнь, во имя чего можно было бы и пострадать даже, если нужно; а у меня нет; люди с вечно мрачной душой, живущие сами не сознавая «зачем» и «что», эти люди отняли, разбили у меня веру в Христа — как Бога всегда сущего, а оставили мне только недосыгаемый идеал человека, человека, к которому я стремлюсь всей душой, но в существование которого не верю; кругом же... кругом ничего, ничего нет, что бы поддержало эту веру;² прошла вера в Христа, исчезла вера и в возможность хорошего на земле, и вот мне скверно, мрачно — подчас не знаю, зачем я живу, для чего, зачем приношу людям горе, радости нет, зачем мне не умереть? Невыносимое состояние, а с жизнью расстаться все же не хочется и вот начинаешь хвататься за все, из чего можешь хоть что-нибудь добыть, чего нужно; начинаешь искать почвы, словом, ищешь то, за что можно бы было ухватиться, что крепко бы связало с жизнью. А тут раздается голос такой же ужасающий, какой слышен в «Великом инквизиторе».³ И все одно и то же говорят, почему это? Зачем они говорят и зачем меня испортили, что мне делать? Я хотела бы убежать на время от людей, пожить одна с своими идеалами, снова укрепить свою веру, но, к несчастью, меня многие любят и не дают простора душе моей, которой подчас не в силу все переносить. Начну я говорить что-либо «о Христе, о правде». А они мне «хороший обед, сытый желудок, удовлетворение всех потребностей, какими наградила нас разумница природа, вот *суть* где». Выходит, что я жалуюсь на людей, а себя хвалю, но это не так, Федор Михайлович, я на них не жалуюсь, но говорю потому, чтобы лучше уяснить Вам мое состояние, а то ведь я плохо говорю, все перескакаю с одного на другое, но Вы поймете меня и ответите — мне ведь так трудно было посылать Вам такое послание — вот уж целый год как я только временами перестаю думать о нем. Я знаю, что Вы лучше, чем кто-либо другой, можете разъяснить все вопросы, касающиеся душевной жизни человека, я знаю также, что Вы помимо чисто физических потребностей человека признаете другие более высокие духовные потребности, Вы никогда не отрицали добродетель; я все это знаю, уверена в этом, но подчас невольно поддаешься влиянию обстановки и все прекрасное кажется одной химерой, продуктом фантазии, вот тогда-то мне и особенно хочется услышать Ваше мнение, Ваш взгляд, который меня сильно может поддержать и направить в хорошую сторону — это я знаю по

опыту: нет других книг, могущих иметь на меня такое благотворное влияние, как Ваши: «Идиот», «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание» и Гюго «Miserables». У меня временами является какая-то необходимая потребность читать Ваши произведения, и я всегда себя удовлетворяю, но теперь, когда мне особенно плохо, — мне захотелось Вас видеть и из Ваших уст слышать, но т(ак) (как) это невозможно, к моему несчастью, то я решила удовлетвориться хотя несколькими словами, написанными Вами ко мне. Еще раз прошу Вас, Федор Михайлович, не откажите мне в том, в чем я сильно теперь нуждаюсь: если Вы не имеете времени свободного на то, чтобы написать мне хотя немного, то потрудитесь написать тогда: «Я не могу» или «не хочу», словом, что-нибудь. Последнее все же лучше будет, чем абсолютное молчание.⁴ Адрес мой такой: *Высшие женские курсы*, Сергиевская улица, дом № 7. Надежде Николаевне Барт с передачей Александре Николаевне.

Простите, что я затрудняю Вас, Вы и без того слишком заняты, — простите, сама не знаю что делать — т(ак) к(ак) слишком хорошо сознаю, что я не вправе писать к Вам.

А. К . . . ва.

На конверте

Здесь
Федору Михайловичу
Достоевскому
Угол Ямской и Кузнечного пер.,
дом № 5-й и 2-й.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, № 29 927

Александра Николаевна Курносова — слушательница с-петербургских Высших женских курсов, принадлежавшая, как установил И Л Волгин, опубликовавший выдержки из данного письма и посвятивший этому эпизоду в переписке Достоевского отдельную подглавку, к выпуску 1883 г (см *Волгин И Последний год Достоевского* М, 1986 С 106—107 Гл VI Подглавка «Письмо с Бестужевских курсов»)

Дата устанавливается по почтовому штемпелю на обороте конверта (на лицевой стороне нечеткий) «11 янв 1880»

¹ В 1879—1880 гг Достоевский по просьбе Литературного фонда, ряда культурно-просветительских обществ, высших учебных заведений и гимназий часто принимал участие в благотворительных вечерах, выступая с чтением отрывков как из прежних своих произведений, так и из последнего, еще не законченного романа «Братья Карамазовы» А Г Достоевская, в частности, засвидетельствовала «На пасхе же (6 апреля 1879 г — *Ред*) Федор Михайлович читал в помещении Александровской женской гимназии в пользу Бестужевских курсов Он выбрал сцену из „Преступления и наказания“ и произвел своим чтением необыкновенный эффект Курсистки не только горячо аплодировали Федору Михайловичу, но в антрактах окружали его, беседовали с ним, просили высказаться о разных интересовавших их вопросах, а когда, в конце вечера, он собрался уходить, то громадной толпой, в двести или более человек бросились вслед за ним по лестнице до самой прихожей, где и стали помогать ему одеваться» (*Достоевская А Г Воспоминания* М, 1971 С 333)

² Вопросы о Христе как Боге и о Христе как «недосягаемом идеале человека» волновали самого Достоевского еще в период создания «Идиота», что отразилось и в подготовительных материалах к роману и в его окончательном тексте отклики

на книгу Э Ренана «Жизнь Иисуса», впечатления от картины Гольбейна Младшего «Мертвый Христос», богоборческие размышления Ипполита о гибели Христа и т п (см об этом 9, 396—399)

³ К январю 1880 г в «Русском вестнике» были опубликованы книги первая—восьмая «Братьев Карамазовых», упомянутый корреспонденткой «ужасающий» голос сомнений отражает воздействие на нее «Книги пятой Pro u contra» из второй части романа, и в особенности глав «Бунт» и «Великий инквизитор» с искушающей речью Ивана Карамазова, обращенной к Алеше

⁴ Письмо А Н Курносовой затрагивало настолько важную для писателя тему, что Достоевский, только накануне отослав девятую книгу «Братьев Карамазовых» в редакцию «Русского вестника», сразу же, когда у него, по его признанию, «от усиленной работы голова кружится», отвечает ей 15 января 1880 г и даже предлагает ей, «хотя времени» у него «вообще мало», посетить его и поговорить «глаз на глаз», так как на поднятые ею «вопросы *нельзя отвечать письменно*». Находя, что ее письмо «горячо и задушевно», Достоевский призывает ее не падать духом («Не Вы одни теряли веру, но потом спасли же себя») и задуматься над тем, кто эти люди, которые «разрушили» ее веру и «отрицают Христа, как Спасителя» (« не говорю, что они дурные люди, но заражены общей современной болезненной чертой всех интеллигентных русских людей это легкомысленным отношением к предмету, самомнением необычайным, которое сильнейшим умом в Европе не мыслилось, и феноменальным невежеством в том, о чем судят») Особенно знаменательна концовка ответа Достоевского, не лишенная определенного автобиографического подтекста «Я знаю множество отрицателей, перешедших всем существом своим под конец ко Христу Но эти жаждали истины не ложно, а *кто ищет, тот наконец и найдет*» (см 30 I, 139—140) Формулируя в записных тетрадях возражения К Д Кавелину на критику единственного августовского выпуска «Дневник писателя» за 1880 г с речью о Пушкине, Достоевский полемически замечал «Инквизитор и глава о детях Ввиду этих глав вы бы могли отнестись ко мне хотя и научно, но не столь высокомерно по части философии, хотя философия и не моя специальность И в Европе такой силы атеистических *выражений нет и не было* Стало быть, не как мальчик же я верую во Христа и его исповедую, а через большое *горнило сомнений* моя *осанна* прошла, как говорит у меня же, в том же романе, черт» (см 27, 86)

Вл. С. Соловьев — Достоевскому
26 мая 1880 г. Пустынка

26 мая
Пустынка

Многоуважаемый Федор Михайлович

Как Вы поживаете, а я все в Пустынке,¹ часто Вас вспоминал. Имею к Вам маленькое поручение. Одна благотворительная редстокистка г-жа Пейкер² желает иметь сведения об одной Вашей знакомой г-же Алфимовой,³ которая обратилась за помощью к Пашкову⁴ и К^о. Собственно требуется знать, находится ли г-жа Алфимова действительно в бедственном положении

Будьте так добры напишите мне об этом сюда — Саблино,⁵ графине С. А. Т(олстой).

Я живу хорошо, надеюсь и Вы также. Читаю огромную немецкую эстетику и биографии великих художников для своего сочинения о началах творчества.⁶ Здесь в Пустынке ожидается нашествие иноплеменных, но надеюсь обойдется без междоусобной брани, так как иноплеменные не из Солуни,⁷ а из Петербурга и Нахичеваня, что далеко не так страшно.

Будьте здоровы.
Сердечный поклон Анне Григорьевне.

Ваш Вл Сол(овьев).

На конверте

Его высокоблагородию Федору Михайловичу
Достоевскому
Старая Русса (Новгородской губернии) в своем доме

Печатается по подлиннику ГБЛ ф 93 П 8 120 б
Почтовый штемпель 26 мая 1880 г

¹ Лето 1880 г Соловьев проводил в имени Пустынка, принадлежащем графине С А Толстой, где также находились ее племянница С П Хитрово и Ю Ф Абазы. Они все четверо 10 июня 1880 г отправили на имя А Г Достоевской телеграмму в связи с триумфом Достоевского на Пушкинском празднике в Москве. В публикации «Литературного наследства» (Т 86 С 509) и в т 30₁ (С 399) указаны в подписи лишь три имени и они ошибочно объединены фамилией Соловьевы. Телеграмма подписана Софья, Софья, Юлия, Владимир Соловьев (ГБЛ, ф 93 П 8 121)

² Последовательница английского проповедника евангелиста Г В Редстока (1831—1913) М Г Пейкер была основательницей религиозно нравственного журнала «Русский рабочий», издававшегося в Петербурге с 1875 по 1886 г. Об отношении Достоевского к учению Редстока см его высказывания в «Дневнике писателя» 1876 г (22, 98) и 1877 г (20, 12)

³ Гимназическая подруга А Г Достоевской Г М Алфимова пользовалась расположением Достоевского: он называл ее «доброй и симпатичной» (30₁, 39). Попад в бедственное материальное положение, она обращалась в июне 1878 г к писателю с просьбой о ходатайстве в переводе ее мужа на службу в Новгородскую губернию. Достоевский принял посильное участие в ее судьбе (см 30₁, 39, 404—405). Однако позднее, возможно в 1880 г, Алфимова вновь обратилась к помощи Достоевских. В записной тетради Анны Григорьевны имеется набросок прошения от лица Алфимовой об определении ее на службу ввиду того, что она осталась с двумя грудными детьми без средств к существованию (ИРЛИ, № 30 707, л 79 об.)

⁴ Приверженец религиозного учения Г В Редстока, отставной гвардии полковник В А Пашков возглавил в России секту, получившую название «пашковцы». В 1876 г Пашков учредил «Общество поощрения духовно нравственного чтения», которое издавало и распространяло в народе книги духовно нравственного содержания по дешевым ценам. В 1878 г деятельность Пашкова в Петербурге осуждена была Синодом, но его единомышленники, главным образом из великосветского общества, продолжали свою деятельность.

⁵ Саблино — село Царскоесельского уезда Санкт Петербургской губернии

⁶ Эстетические воззрения Соловьева развиты в его статьях «Красота в природе», «Общий смысл искусства», «Первый шаг к положительной эстетике» и других. В основе их лежит тезис, сформулированный Достоевским — «Мир красотой спасется» (9, 222) (см Радлов Э Л Эстетика Вл Соловьева // Вест Европы 1907 № 1 С 84—117)

⁷ Солунь — болгарское название г Салоники, принадлежавшего европейской Турции

Е М Гаршин — Достоевскому
8 ноября 1880 г Харьков

Многоуважаемый
Федор Михайлович!

Я не имею чести Вас знать, но моя молодость и Ваши произведения побуждают меня относиться к Вам не как к чужому человеку, и потому я осмеливаюсь беспокоить Вас своим письмом.

В данный момент я обладаю таким фактом, который считаю своим долгом довести до Вашего сведения по двум причинам: 1) в будущем году Вы предпринимаете издание «Дневника»,¹ а

2) в выходявших до сих пор №№ «Дневника», в «Братьях Карамазовых» Вы не раз до корня затрагивали жгучий вопрос отношений отцов и детей.²

Изложение будет несколько дубоватым, но я не писатель.

Но прежде еще несколько слов о том, кто я сам таков. Вероисповедания православного (в Бога верю); мои занятия — студент-филолог, мое социальное положение — мыслящий пролетарий, но никогда не голодаю благодаря своей работе, а потому не озлоблен. Еще забыл сказать, что я дворянин. Теперь к делу.

Семь лет тому назад, еще в 3-м классе гимназии, я встречал одного помещика.³ Тогда он был притчей во языцех всего нашего уезда благодаря следующему обстоятельству. Было у него 4 сына.⁴ 3-х старших он определил в Катковский лицей,⁵ но для сокращения расходов он вошел с Катковым в такое соглашение: помещик уплатил единовременно Каткову⁶ 10 000 р., а Катков должен обучить всех 3-х сыновей помещика. Сынки тогда уже подавали надежды: отец с восторгом хвалился, что старший за 3 месяца получил 48 замечаний.

Через год я перешел в гимназию в Харьков, а помещика потерял из виду, но, не совсем равнодушный к «дыму отечества», я, встречая приезжих из своего уезда, не мог удержаться, чтобы не расспросить о всех земляках. Спрашивал и про помещика, и про фокус его с детьми. Биографические данные об отце (в уезде он у нас человек новый, на неведомые деньги купил имение) мне рекомендовали почерпнуть в мемуарах кн. Голицына,⁷ который шатался когда-то с русским хором; там-де упоминается какая-то романическая история и скверная в ней роль (кажется, подставного мужа) какого-то армяшки.

Фокус с детьми не удался помещику. Ни один не кончил курса; всех Катков года через 2-3 выгнал, а деньги оставил себе. Теперь помещик просит даже не напоминать об этом.

Немного погодя слышу о таком уже бесстыдстве. Помещик с восторгом и публично рассказывает, что его старший сын, уже юнкер какого-то полка, у богатой барыни на содержании. 4-й и самый младший сын помещика (из-за него-то и письмо мое к Вам) от раннего детства оказался невероятно способным к музыке; с 9 лет он ученик Николая Григорьевича Рубинштейна, ученик первый и любимый.⁸ От товарищей его по Московской консерватории я слышал о своем земляке (лично мне неизвестном) такой отзыв: это прелестный мальчик, с нежно-аристократической манерой и наружностью; способности колоссальные, играет не хуже самого Рубинштейна (это в 17 лет!); но застенчив и скромн.

Сегодня встречаю помещика; идет он в губернское земское собрание как гласный. Цветущ, весел, имения еще не промотал, умеренно-либерален, одним словом, восторг, а не помещик.⁹ После обычного при встречах разговора спрашиваю я помещика про сына-артиста. «— О, он прекрасно идет. Я только что из Москвы. На последнем симфоническом собрании один исполнитель заболел. Николай Григорьевич экспромтом выводит моего сына. Он блиста-

тельно играет, публика неистово аплодирует, Николай Григорьевич выходит вместе с ним, обнимает и целует его.¹⁰ Потом снял с себя золотые запонки, подарил ему и говорит: „Ты так меня восхитил сегодня, так, что я повезу тебя ужинать в «Эрмитаж» и к девкам“. Представьте себе, повез его в «Эрмитаж», накатила (?) хорошенько и запер с девкой в номер. „— Папа, — говорит мне потом сын, — поздравь меня: я начал (Игорь), меня Николай Григорьевич благословил“. Но ему, знаете, 17 лет, он такой невинный, я уверен, что он ничего [с девкой] там не сделал.

Все это рассказано было мне с восторгом и захлебыванием. Вместе с этим мы распростились. Только отшедши несколько шагов, я ощутил неимоверную скверность, и, как всегда со мной от сильных впечатлений бывает, у меня стали ерошиться мои короткие волосы.

Мне кажется, что приведенный мной монолог не требует комментариев.

Подобные вещи надолго клином врезаются мне в голову и стоят передо мной кошмаром. Счастлив писатель, который отделяется от своих чертей, воспроизводя их в бессмертные типы.

За собой я не чувствую таланта даже настолько, чтобы сделать из этой темы обличительный рассказ. Вам же, уважаемый Федор Михайлович, нужно сделать где-нибудь походя один художественный штрих, чтобы смешать с грязью этот гнусный комплот отцов-помещиков и Рубинштейнов, развращающих даровитую, богатую натуру.

Не написать Вам всего этого я не мог. Хорошо или дурно я сделал, написавши, — не знаю, а потому всем святым умоляю Вас, напишите хотя несколько строк по этому поводу Вашему усердному читателю и почитателю

Всегда преданный и

готовый к услугам

Евгений Гаршин.

Харьков. Старо-Московская, д. 3, кв. 7.

1880 года 8 ноября.

Печатается по подлиннику ИРЛИ, № 29 672

Евгений Михайлович Гаршин (1860—1931) — брат писателя В. М. Гаршина, литературный критик, мемуарист. Учился в Александровской прогимназии Старо-Бельска, затем в харьковской 3-й гимназии, с 1879 г. — студент историко-филологического факультета Харьковского университета. Начал печататься в 1878 г. в газете «Харьков» (о нем см. Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь М., 1989. Т. 1. С. 529—530).

¹ «Дневник писателя» выходил в 1876—1877 гг., в единственном выпуске «Дневника» за 1880 г. (август) Достоевский писал «Я намерен с будущего года „Дневник писателя“ возобновить» (26, 174).

² См., например, «Дневник писателя», 1877, июль—август, гл. 1.

³ И. М. Зилоти (1835—1900).

⁴ У И. М. Зилоти было 5 сыновей.

⁵ Лицей цесаревича Николая в Москве, основан в 1868 г. М. Н. Катковым и П. М. Леонтьевым (с 1875 г. директор М. Н. Катков), давал углубленное изучение классических языков.

⁶ М Н Катков (1818—1887) — публицист, критик, издатель, редактор «Русского вестника» (1856—1887), «Московских ведомостей» (1851—1856, 1863—1887), один из инициаторов «гимназической реформы» 1871 г, сторонник классического образования

⁷ Имеется в виду кн *Голицын Ю Н* Прошедшее и настоящее СПб, 1870, о ее авторе см *Герцен А И* Былое и думы Ч 7, гл III

⁸ А И Зилоти (1863—1945) — пианист и дирижер, учился у Н Г Рубинштейна и П И Чайковского в Московской консерватории, затем у Ф Листа в Веймаре (о нем см Александр Ильич Зилоти Воспоминания и письма Л, 1963)

⁹ Иной образ И М Зилоти в названной в предыдущем примечании книге «Отец и мать его (А И Зилоти — Ред) были интеллигентными и музыкально образованными людьми», «первые уроки на фортепьяно Зилоти получил у отца» (С 12)

¹⁰ Эпизод имел место 25 октября 1880 г в первом симфоническом собрании Московского отделения Русского музыкального общества Неожиданно заболел (ушиб палец) проф Э Нейперт А И Зилоти экспромтом играл с аккомпанементом оркестра Allegro из первого концерта для фортепьяно А Рубинштейна «Г Зилоти был несколько раз вызван, рукоплескания разразились с необычайной силой, когда Н Г Рубинштейн в последний раз сам появился на эстраде вместе со своим учеником» (Моск ведомости 1880 28 окт № 299)

А. М. Иванцов-Платонов — Достоевскому
20 декабря 1880 г Москва

Милостивый государь,
глубокоуважаемый Федор Михайлович!

Позвольте давнему любителю и почитателю Ваших произведений, под впечатлением последнего Вашего романа,¹ только что им прочитанного, выразить пред Вами чувства — благодарности, любви, радости. Никогда еще ни одному из поэтов и романистов русских (кажется — и иностранных) не приходилось так глубоко касаться высших сторон духовной жизни и так сердечно освещать нас нравственно-христианской идеей, как Вы это делаете в своих произведениях. В Вашем лице художественная литература входит в ту область, которая обыкновенно считается специальным достоянием религиозно-нравственной литературы. Нужно бы, чтобы и со стороны специальной духовно-нравственной литературы сказалось о Ваших произведениях серьезное слово. В нынешнем году в одном из духовных журналов (в «Православном обозрении») были помещены две статьи по поводу «Карамазовых»² но ими нельзя удовлетвориться. Хотелось бы мне написать что-нибудь о Ваших произведениях, преимущественно со стороны нравственных идей, раскрывающихся в них³. Но не знаю, когда могут освободиться руки для этого от других специальных работ, уже начатых⁴.

Посылаю Вам некоторые из моих сочинений⁵. Всего не могу собрать. между прочим нет здесь 1-ой части книжки о католицизме,⁶ брошюры «Христианское ученье о любви к человечеству сравнительно с крайностями современного социализма»⁷ и статей по поводу богословских сочинений Хомякова.⁸ Но, может быть, и в том, что посылается, Вы найдете нечто родственное некоторым Вашим мыслям, — и это будет мне радостью.

Помоги Вам Бог выполнить обет, высказанный в последнем Вашем «Дневнике»: «послужить делу Христову, пока перо будет

держаться в руках»,⁹ — и дай Бог, чтобы еще долго и долго твердо держалось перо в Ваших руках.

Глубокий и искренний Ваш почитатель,
профессор Московского университета
и законоучитель Александровского военного училища,
протоиерей Александр Иванцов-Платонов.

18²⁰
XII 80.

Печатается по подлиннику ИРЛИ, № 29 728

Александр Михайлович Иванцов-Платонов (1835—1894) — религиозный писатель, историк церкви, доктор богословия, почетный член Славянского общества В 1860 г окончил московскую Духовную академию со степенью магистра богословских наук, оставлен бакалавром по кафедре церковной истории, с 1863 г — законоучитель московского Александровского военного училища, с 1872 г — одновременно профессор церковной истории Московского университета С 1859 г печатался в столичных периодических изданиях — «Русская беседа», газетах «Русь», «День», «Богословский вестник» и др С 1869 г редактировал журнал «Православное обозрение» Диссертация на степень доктора богословия — «Ереси и расколы первых трех веков христианства» (1877)

¹ Роман «Братья Карамазовы», закончился печатанием в № 11 журнала «Русский вестник» за 1880 г

² Две статьи под общим названием «Идеалы будущего, набросанные в романе „Братья Карамазовы“» (подпись С Д Л) напечатаны в № 9 и 10 «Православного обозрения» за 1880 г

³ Статьи А М Иванцова-Платонова о творчестве Достоевского неизвестны

⁴ В это время Иванцов-Платонов работал над исследованием «Религиозные движения на христианском востоке в IV и V веках», которое печаталось в «Православном обозрении» № 2, 4, 9, 10 за 1880 г и № 1 и 5 за 1881 г

⁵ В библиотеке Достоевского находились следующие книги А М Иванцова Платонова О римском католицизме и его отношениях к православию М, 1869—1870 Ч 1—2, Первые лекции по истории христианской церкви в Московском университете М, 1872, Речи, произнесенные при выпусках воспитанников первого десятилетия Александровского военного училища М, 1873, Ереси и расколы первых трех веков христианства М, 1877 Ч 1, Слово в сороковой день памяти С М Соловьева // Православное обозрение 1879 Т 3 Ноябрь (см *Десяткина Л П, Фридендер Г М* Библиотека Достоевского (Новые материалы) // Достоевский Материалы и исследования Л, 1980 Т 4 С 260 Перечень книг Иванцова-Платонова, принадлежавших А Г Достоевской, см там же С 269—270)

⁶ Часть 1 Очерк истории, вероучения, богослужения, внутреннего устройства римско-католической церкви и ее отношений к православному востоку (1869) — в библиотеке Достоевского была (см примеч 5)

⁷ Книга названа неточно, правильное название Христианское учение о любви к человечеству сравнительно с крайностями учений социалистических М, 1875

⁸ Прежде всего имеется в виду *Иванцов-Платонов А М* Несколько слов о богословских сочинениях А С Хомякова // Православное обозрение, 1869 Т 1 С 97—119 Другие его работы о Хомякове Письма А С Хомякова к Пальмеру / Предисл и коммент А М Иванцова-Платонова // Православное обозрение 1869 № 3, 4, 9, 10, Вступ ст А М Иванцова-Платонова // *Самарин Ю Ф* Соч В 12 т М, 1877—1911 Т 5 Возможно, Иванцову Платонову принадлежит анонимная рецензия, опубликованная в «Православном обозрении» (1870 № 2 С 239—249), на «Речь о судьбах богословской науки в нашем отечестве» В Ф Певницкого

⁹ В единственном выпуске «Дневника писателя» за 1880 г (август) Достоевский писал «Я утверждаю, что наш народ просветился уже давно, приняв в свою суть Христа и учение Его < > тема эта важная, о ней надо особо и много еще сказать, и буду говорить, пока держу перо в руках» (26, 150—151 Разрядка наша — *Ред*)